

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Алексей КАЛУГИН

ПАУТИНА

Сезон Катастроф

Алексей Калугин

Паутина

«ЭКСМО»

2013

Калугин А. А.

Паутина / А. А. Калугин — «Эксмо», 2013 — (Сезон Катастроф)

На Земле продолжается Сезон Катастроф, и в разных местах планеты появляются все новые и новые аномальные зоны. Группа «Квест-13», направленная Центром Изучения Катастроф в пустыню Гоби, в Зону 41, сначала сталкивается с «черными» квестерами, а потом проникает в глубокий колодец, ведущий в лабиринт. И там очень многое напоминает о местах, расположенных за тысячи километров от Монгольской Гоби. Совпадение? Четверке квестеров приходится на собственном опыте убедиться, что это не так. Странная Игра без правил продолжается...

© Калугин А. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	40
Глава 10	48
Глава 11	52
Глава 12	57
Глава 13	66
Глава 14	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алексей Калугин

Паутина

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Разлом Четвертый.

Зона 41. Шамо. Монгольская Гоби. Воронки.

Пули почти беззвучно зарылись в песок, взметнув невысокие фонтанчики. Брейгель кинулся на удивленно взиравшего на это представление Орсона, повалил его, да еще и затылок ладонью придавил, ткнув лицом в сухой горячий песок. Сообразив, что перестарался, фламандец тут же дернул англичанина за воротник. Ученый замотал головой, вытряхивая песок из складок шемага.

– Бамалама, Док! – Брейгель снова заставил его пригнуться, на это раз действуя чуть деликатнее. – Правило номер... Да к черту правила! Когда в тебя стреляют, Док, нужно падать на землю!

– Я не слышал выстрелов. – Орсон согнутыми пальцами протер надетые поверх шемага очки-консервы.

– А фонтанчики видел?

– Damn! – биолог хлопнул ладонью по обмотанной клетчатым платком голове. – Я не сообразил, что это пули!

Щелк!.. Щелк!..

Еще две пули нырнули в песок на гребне бархана.

– Бамалама! А что еще это может быть? – непонимающе посмотрел на англичанина стрелок.

– Насекомые, – не колеблясь ответил биолог.

Брейгель почесал пальцем висок и решил больше с Орсоном не спорить.

– В общем, так, Док, оставайся здесь и не высывайся.

– А ты куда?

– Оценить обстановку.

Прижав автомат к груди, Брейгель на спине съехал с бархана, встал на четвереньки и огляделся. Никого не было видно. Ни своих, ни чужих. Камохин с Осиповым направились в обход гряды барханов, оставив Брейгеля присматривать за Орсоном, которому вдруг взбрело в голову вскарабкаться на вершину песчаной насыпи. И, видно, далеко уже ушли.

В двух шагах от того места, где оказался Брейгель, песок вдруг взметнулся в воздух и закрутился подобно маленькому веретенообразному смерчу.

– Бамалама, – тихо, не злобно, а грустно выругался Брейгель и, живо вскочив на ноги, бросился прочь от песчаного веретена.

Странный маленький смерчик вовсе не казался опасным. Скорее, даже наоборот – он был похож на игрушечный, на школьную модель, изображающую, как не должен себя вести поднятый ветром песок. Но Брейгель точно знал, что за этим последует, а потому бежал со всех ног, не оглядываясь и даже не думая о том, что, выбежав из-за бархана, он может оказаться под огнем противника. Черт с ним, с противником, – то, что происходило у него за спиной, было куда хуже.

Сначала раздался пронзительный тонкий свист. Затем песчаное веретено, дернувшись вниз, будто проткнуло горячий песок и исчезло в глубине. В тот же миг в месте прокола образовалась крошечная вращающаяся воронка, которая начала быстро расширяться, поглощая, будто заглатывая, окружавший ее песок. То, что оказывалось на краю воронки, с бешеной скоростью начинало крутиться, скользя по ее стенкам, чтобы затем провалиться в темную зияющую бездну. Свист, сопровождающий образование воронки, становился все ниже и наконец перешел в тягучий угрожающий вой. От которого, казалось, начал колыхаться раскаленный солнцем воздух.

Услышав этот пугающий звук, Орсон перевернулся на спину, посмотрел вниз, убедился, что ему ничто не угрожает, и выхватил из сумки видеокамеру. Дабы достойно запечатлеть происходящее.

У подножия песчаного холма, на вершине которого притаился ученый, разверзлась воронка, похожая на гигантский песчаный водоворот, способный поглотить все, что в него попадет. И вот-вот готовый добраться до пытающегося спастись бегством Брейгеля. Собственно, другого способа уцелеть не существовало. Да и бегуном фламандец был неплохим. Но бежать по зыбкому песку, засасывающему ноги едва ли не по щиколотки, это совсем не то же самое, что демонстрировать мастерство на гаревой дорожке. Почувствовав, что почва начинает уходить из-под ног, Брейгель изо всех сил оттолкнулся левой ногой, прыгнул, упал на грудь и, выбросив руки вперед, в отчаянии вцепился пальцами в песок. Как будто эта непрочная опора могла помочь ему удержаться на краю песчаного водоворота.

Песчаные воронки, возникающие без всякой видимой причины, являлись наиболее примечательной особенностью Зоны 41, куда была заброшена группа «Квест-13» из Центра Изучения Катастроф. Возможно, имелись и какие-то иные проявления аномальной активности, однако они не так бросались в глаза. А воронки регулярно появлялись то там, то здесь. Размеры и глубина их варьировали в очень широких пределах. Самая маленькая, какую заметили квестеры, была не больше десятирублевой монеты. Самая большая, в которую они чудом не угодили, имела диаметр около десяти метров. Оценить ее глубину не представлялось возможным, поскольку для этого нужно было либо взглянуть на происходящее сверху, либо прыгнуть в воронку. Первое осуществить было невозможно, второе – как-то совсем не хотелось. Да и какой смысл в информации, которой суждено погибнуть вместе с исследователем? Хотя у Орсона на сей счет, как всегда, имелось свое, особое мнение. Он настойчиво утверждал, что настоящий ученый готов пожертвовать собой ради того, чтобы получить ответ на интересующий его вопрос, даже если никто более об этом не узнает. Однако от предложения прыгнуть в воронку биолог все же благоразумно отказался. Мотивировав отказ тем, что аномалии подобного рода не входят в область его профессиональных интересов. Жизнь песчаной воронки была хоть и яркой, но недолгой, и составляла, по наблюдениям квестеров, от пяти секунд до двух минут. Причем прямой зависимости между размерами воронки и сроком ее жизни не отмечалось. Самым замечательным во всем этом было то, что о своем появлении воронка заблаговременно извещала высокочастотным свистом и песчаным веретеном на месте грядущего события. Ну, а остальное зависело от быстроты реакции и скорости того, кто оказался рядом.

Брейгель был достаточно быстр и ловок для того, чтобы предательская аномалия его не съела. После отчаянного прыжка фламандца прошла секунда, другая, третья. Песок, на котором он лежал, никуда не ускользал, тело его никуда не падало. Да и раздражающее завывание прекратилось. Фламандец быстро поднялся на колени и первым делом проверил автомат. Затворная рамка была вся в песке, но надетый на ствол презерватив не соскочил – и то хорошо. А то иначе песок из ствола не выскребешь. Закончив с автоматом, Брейгель взглядом отыскал Орсона, чтобы убедиться, что с англичанином тоже все в порядке. Биолог выключил камеру и, как заправский кинорежиссер, показал большой палец. Отлично, мол, сыграно!

– Вот же зараза, – тихо, сквозь зубы выругался фламандец, совершенно не испытывавший восторга от того, что его прыжок запечатлен на цифровом носителе и, следовательно, запросто может стать теперь всеобщим достоянием. Хорошо еще, что руководство ЦИКа строжайше следило за тем, чтобы сотрудники не развлекались, выкладывая особо забавные фрагменты рабочих материалов в Интернет. Да и Док вроде не был фанатом социальных сетей.

Знаком велев Орсону оставаться на месте, Брейгель поднялся на ноги, поправил шемаг и двинулся дальше, в сторону ложбины меж двумя барханами. Он хотел незаметно взглянуть на лагерь наемников, откуда стреляли по ученому.

Обогнув склон бархана, на вершине которого залег Орсон, фламандец, пригибаясь, начал подниматься наверх. Приблизившись к ложбине, лег на грудь и пополз. Наконец он добрался до точки, откуда ему открывался почти полный обзор лагеря «черных» квестеров.

Совершенно непонятно было, почему они решили остановиться именно тут. Они ведь не знали, что «Квест-13» следует за ними. И тем не менее, сделав большую петлю, обогнули гряды барханов и заняли такую позицию, что любой, идущий по их следу, еще не увидев лагерь, оказался бы у них на прицеле. Что это было? Профессиональная предусмотрительность, действующая на уровне подсознания? Или же они кого-то ждали? Зачем они вообще тут остановились, если пакаль был у них и можно было уходить из зоны?

Квестеры вышли к разлому примерно через два часа после того, как наемники покинули это место. Разлом черной кляксой лепился к пологому склону бархана. Песок, время от времени осыпавшийся, бесследно исчезал в его мрачной глубине. Будто сахар, растворяющийся в черном кофе. Когда Осипов ради интереса поднес к разлому ладонь, то на нее отчетливо повеяло холодом. И это при том, что песок вокруг был раскален настолько, что, казалось, жег пятки через специальные теплоизоляционные подошвы.

Зона 41, возникшая два дня назад в самом сердце Монгольской Гоби, со всеми ее появляющимися и вновь исчезающими воронками, с самого начала показалась Осипову настолько интересной, что, несмотря на постоянную опасность, он хотел задержаться здесь подольше. Он был почти уверен, что эти странные воронки напрямую связаны с разломами. Может быть, даже имели единую с ними природу. А разломы являлись теми самыми ключиками к причине возникновения аномальных зон, разобраться с которыми было необходимо уже хотя бы для того, чтобы понять, что ждет человечество в будущем, скорее всего, не столь далеко. Неминуемая гибель – или все же есть надежда на то, что со временем безумству Вселенной придет конец и все вернется на круги своя? Чтобы снова закрутиться и вновь понестись в сторону края, которого невозможно достичь.

«Черные» квестеры бросили возле разлома кучу научного оборудования, большинство из которого представлялось ученым более чем странным. К примеру, какое применение можно найти двум полутораметровым хроматографическим колонкам, заполненным ионообменными смолами? Или волновому низкочастотному генератору? Да и фотоакустический томограф был как-то совершенно неуместен среди монгольских песков. А уж музыкальный синтезатор «Korg Titanus» так и вовсе поверг всех в недоумение. Набор самых разных приборов и приспособлений выглядел настолько бессмысленно, что трудно было даже вообразить, для каких целей можно использовать все это одновременно. Громоздкого барахла, включающего четыре дизельных генератора, было так много, что притащить его на себе казалось просто нереально. Поскольку следов от вездехода не было, получалось, что наемников высадили с вертолета. Причем точно возле самого разлома. Было их, судя по следам, человек восемь или девять. И оставались они возле разлома часов десять – двенадцать. После чего, бросив все, ну, или почти все оборудование, пешком отправились куда-то вглубь пустыни.

Сразу возникали вопросы: «куда?» и «зачем?».

Но это только поначалу. Потому что, чем дальше, тем больше становилось вопросов. Если «черные» квестеры работали в аномальных зонах группами по два-три человека, с какой стати на этот раз они заявили сюда толпой? Прежде их интересовали только пакали. А для того, чтобы найти пакаль, груды оборудования не требуется. В принципе, если наемникам было точно известно местоположение разлома, с задачей мог справиться один человек, вооруженный десканом. Что за научные изыскания они здесь проводили?

Тот факт, что все шло совсем не так, как обычно, наводил на мысль: на этот раз квестеры столкнулись не просто с «черными» охотниками за пакалями, а с профессиональными наемниками, работающими на команду, которая ставила перед собой более широкие цели. Само по себе это уже было в высшей степени необычно.

Аналитическая служба Центра Изучения Катастроф вела постоянный мониторинг любой информации, имеющей отношение к аномальным зонам и пакалям. Данные поступали как из официальных, так и из закрытых источников. Ей было известно, что интерес к тому, что происходит в аномальных зонах, проявлял не только господин Кирсанов. Но если Кирилл Константинович своего интереса к пакалям не скрывал, хотя и выдавал его всего лишь за страсть коллекционера, то его конкуренты в этой области проявляли крайнюю осторожность. Это могло свидетельствовать либо о том, что о пакалях им известно больше, чем Кирсанову, либо они вообще понятия не имели, что это такое, но при этом пытались исподволь контролировать ситуацию, исходя из принципа «делай то же самое, что и твой конкурент». В особенности, если не понимаешь, зачем он это делает.

Перед отправкой в зону квестеры из группы «Квест-13» получили информацию.

– Как они могли оказаться здесь на двенадцать часов раньше нас?

Это был еще один вопрос, возникающий у каждого, кто смотрел на брошенное возле разлома оборудование. Первым его задал Брейгель.

– Может быть, они заранее узнали, где возникнет разлом? – предположил Камохин.

– Сие мне кажется наименее вероятным, – в задумчивости покачал головой Осипов. – До сих пор не было выявлено никакой, абсолютно никакой закономерности в образовании разломов. Даже зацепок никаких нет.

– Хаос – он и есть хаос, – с пониманием кивнул Орсон. Ученый поднял с песка плоскую коробочку с погасшим табло, покрутил в руках и снова бросил. – Между прочим, этот сканер стоил пару тысяч евро. До того как сгорел.

Заявление биолога вызвало непонятный интерес у Брейгеля. Фламандец присел на корточки возле ближайшего к нему прибора и принялся щелкать переключателями. Затем переместился к синтезатору и провел пальцами по клавишам.

– Есть другие идеи, Док-Вик? – поинтересовался Камохин.

– Самое простое, на мой взгляд, объяснение – это временная аномалия, – не задумываясь, ответил Осипов. – В нее могли угодить как мы, так и наши конкуренты. Таким образом мы и разминулись во времени.

Камохин хмыкнул, поджал губы и ничего не сказал. Но даже не усмехнулся. По двум причинам. Во-первых, он точно знал, что Осипов такими вещами не шутит. А во-вторых, подобное уже не кажется смешным после того, как сам побываешь во временной петле.

– А Док-то прав. – Брейгель поднялся на ноги и отряхнул ладони от песка. – Все приборы сгорели. Поэтому их и бросили.

– Они, если бы даже и захотели, не смогли бы унести все на себе. – Камохин взялся за ручку одного из генераторов и, поднагужившись, с трудом оторвал его край от песка.

Брейгель спорить не стал. Как бы там ни было, но приборы сгорели. Причем капитально. У некоторых блоки питания обуглились, а провода сплавившись в бесформенный многоцветный комок. Спрашивается, что тому послужило причиной?

Впрочем, это только так говорится, что, мол, спрашивается. На самом деле никто из квестеров не собирался прямо здесь и сейчас задавать подобные вопросы. Хотя бы потому, что времени искать ответы у них не было. Судя по следам, наемники покинули временную стоянку возле разлома не более двух часов назад. Бросив большую часть своего оборудования, они все же что-то с собой унесли. Квестеры шла налегке. Помимо легкого стрелкового оружия и боеприпасов, у них при себе был лишь суточный сухой паек, вода, аптечка и всякая мелочовка. Таким образом, у них имелся реальный шанс догнать наемников. А причин, чтобы пуститься за ними вдогонку, было две: пакаль, который очень хотелось вернуть, и самое обыкновенное любопытство. Ну, в самом деле, интересно же было, куда направлялась эта в высшей степени неординарная команда «черных» квестеров.

Глава 2

Квестеры нагнали более удачливых конкурентов примерно через семь часов пути. Наемники двигались очень не торопясь, а однажды и вовсе устроили привал. Как будто среди них был больной, раненый или очень пожилой, физически слабый человек. Да и песчаные воронки не делали путь легче. Каким образом наемники почувствовали, что их кто-то преследует, оставалось загадкой. Но ловушку они устроили не просто профессионально, а мастерски. В нее невозможно было не угодить. Они не учли лишь одного – непреклонного, а отчасти и вздорного характера Криса Орсона. Ему ежели что взбредет в голову, так спорить бесполезно. Коллеги по группе давно это уяснили. Поэтому, когда Орсон усмотрел на вершине бархана какую-то высохшую верблюжью колючку и заявил, что должен непременно присоединить ее к своей коллекции биологических образцов, Камохин только плечами пожал и сказал, что лично он на эту кучу песка не полезет. Орсон тоже спорить не стал и полез на бархан в гордом одиночестве. Оттуда ему и открылся вид на лагерь «черных» квестеров. То, что наемники сразу не стали по нему стрелять, можно объяснить тем, что, с одной стороны, они, скорее всего, никак не ожидали увидеть кого-то на гребне бархана; с другой же стороны, вид странного человека, размахивающего зажатой в руке верблюжьей колючкой, по всей видимости, поверг их в недоумение. По крайней мере, в первый момент. Потому что к тому времени, когда они все же приняли решение стрелять, Брейгель успел взбежать наверх и повалить Орсона на песок.

Теперь же, наблюдая за тем, как наемники организовали оборону, Брейгель прикидывал, как бы их половчее достать. И как профессионал понимал, что сделать это будет не так-то просто.

Справа послышался тоненький свист. Брейгель опустил бинокль и перевел взгляд на совсем крошечное песчаное веретено, возникшее неподалеку от него. Аномалия, которая появится на месте веретена, скорее всего, не будет представлять собой никакой опасности. Но все же Брейгель немного сместился влево. И на всякий случай проследил за тем, как на месте веретена возникла и через несколько секунд исчезла бешено вращающаяся песчаная воронка размером с теннисный мячик. Убедившись в том, что других активных аномалий поблизости нет, фламандец продолжил наблюдение.

Противник создал надежно защищенную огневую точку, использовав кейсы с оборудованием и натянув сверху тент. Позади у них была пустыня, исчерченная низенькими песчаными гребешками, с торчащими кое-где хилыми засохшими кустиками. О том, чтобы подобраться к ним с этой стороны хотя бы на расстояние выстрела, нечего было и мечтать. Огнем с вершин барханов их тоже было не достать. А атаковать, перевалив через барханы, было бы чистым самоубийством. Путь же в обход барханов, по которому отправились двое квестеров, наемники, надо полагать, держали под прицелом. Камохин с Осиповым сейчас, скорее всего, тоже залегли в укрытии, изучали местоположение лагеря наемников и думали, как бы до них добраться. Брейгель готов был поспорить, что никаких дельных идей у них не было. Потому что и сам он ничего не мог предложить.

Справа послышался звук сыплющегося песка. Брейгель бросил бинокль, схватил автомат и вместе с ним развернулся в сторону подозрительного звука.

По склону бархана, сидя на заду и тормозя ладонями, к нему съезжал сам Крис Орсон.
– Док! – сквозь зубы выдавил Брейгель и возмущенно взмахнул рукой.

Орсон сделал успокаивающий жест – ничего, мол, не беспокойся, со мной все в порядке... И, не удержав равновесия, завалился на бок и кубарем покатился вниз по склону. Брейгель упал на живот и поймал катящегося мимо англичанина за руку.

Орсон уселся на песок, положил автомат на колени и, зацепив двумя пальцами, стянул закрывавший рот край шемага на подбородок.

– Спасибо, – с благодарностью кивнул он фламандцу и полез в сумку за флягой с водой.
– Бамалама, Док! – недовольно зашипел на него Брейгель. – Ты должен был сидеть наверху!

– А что мне там делать? – Орсон сделал пару глотков, закрутил крышку и кинул флягу в сумку. – Оттуда ничего не видно.

– Отсюда тоже ничего интересного не увидишь. – Брейгель вновь взялся за бинокль.

– Ну, хоть что-то, – полез вперед Орсон.

– Док! – Брейгель схватил его за плечо и оттащил назад. – Так тебя увидят!

– Ну и что? – непонимающе пожал плечами англичанин. – Они меня уже видели.

По сути, Орсон был прав, наемники уже знали, что за барханами кто-то прячется. Так что, ежели они увидят его снова, это ничего не изменит. Однако ж, если они его подстрелят, биологу это вряд ли понравится.

– Я хочу посмотреть, что там происходит, – снова заявил Орсон.

– Там ничего не происходит, – сказал Брейгель.

– Не может быть.

– Уверяю тебя, Док. Они выставили перед собой ящики, натянули тент и не высовываются из укрытия.

– И что они там делают?

– Понятия не имею.

Орсон насмешливо цокнул языком и покачал головой.

– Что? – непонимающе посмотрел на него Брейгель.

– Они устроили здесь лагерь еще до того, как увидели нас. Верно?

– Тебя, – уточнил Брейгель. – Они увидели тебя, Док.

– Хорошо, – не стал спорить с очевидным Орсон. – Но когда они увидели меня, то уже сидели в своем укрытии под тентом.

– Ну и что? – снова ничего не понял Брейгель.

– Это значит, что именно сюда они и шли. Это место было конечной точкой их пути.

Фламандец озадаченно сдвинул брови:

– Зачем?

– Вот у них и спроси, – усмехнулся Орсон.

– Может быть, они просто решили отдохнуть, – предположил Брейгель.

– Может быть, – сказал Орсон таким тоном, что стало ясно: сам он с таким объяснением не согласен.

Он снял с плеча сумку и автомат и положил их на песок.

– Я хочу посмотреть на лагерь противника.

Брейгель оглянулся на Орсона, чтобы удостовериться в том, что биолог не шутит.

– Ладно, – фламандец отполз чуть в сторону. – Только умоляю тебя, Док, будь осторожен!

Биолог усмехнулся:

– Тебе когда-нибудь приходилось извлекать ганглий из сколекса ленточного червя?

– Слава богу, нет, – решительно открестился от подобного нелепого предположения Брейгель.

– Тогда не говори мне об осторожности, – олимпийцем глянул на него Орсон.

Брейгель понял, что проиграл, хотя и не понял, как именно – нокаутом или по очкам?

А Орсон тем временем лег на песок и осторожно подполз к надутому ветром тонкому песчаному гребню. Он всего на десять – пятнадцать секунд выглянул из укрытия, подался назад и съехал чуть ниже по склону.

– Ситуация странная, – сказал он, подтянув к себе сумку и автомат. – Они не знали, что мы идем по их следу, но при этом расположили свой лагерь так, будто кого-то ждут и не собираются вступать в переговоры.

– Я это заметил, – кивнул Брейгель.

– Следуя твоей логике, можно предположить, что наемники по чистой случайности расположили свой лагерь так, будто ждали нападения с той стороны, откуда сами пришли.

– А что говорит твоя логика, Док?

– Я бы предположил, что они ждут кого-то, кто собирается помешать им сделать то, что они намерены сделать.

– Если бы кто-то, кроме нас, шел по следу наемников, мы увидели бы и его следы.

– Если он их оставляет, – поднял указательный палец Орсон.

Брейгель вновь озадаченно сдвинул брови:

– А кто не оставляет следов?

– Много кто. – Орсон оттянул край шемага и почесал шею. – Птицы, призраки, те, кто передвигаются под землей... Что, если песчаные воронки, который мы видим повсюду, это результат жизнедеятельности каких-то подземных существ?

– Ты ведь это не серьезно, Док?

– Почему? Очень даже серьезно. Ты фильм «Дюна» видел? Там была целая планета, населенная гигантскими песчаными червями.

– Это фантастика, Док.

– А у нас тут что? – насмешливо посмотрел на фламандца Орсон. – Любовный роман? Мелодрама? Детские страшилки?.. Вик говорит, что в аномальной зоне, в принципе, возможно все. То есть абсолютно все. Это значит – даже такое, что никогда и никому не могло прийти в голову!

– Док, об этом хорошо рассуждать в теории. Нам же нужно придумать, как забрать у этих гопников пакаль.

– Гопник. – Орсон в задумчивости запрокинул голову и посмотрел на светло-голубое, будто выгоревшее на солнце небо. – Хорошее слово.

– Ты знаешь, что оно значит? – удивился Брейгель.

– Нет. Но оно мне нравится. Сразу понятно, о ком идет речь.

– И о ком же?

– Я вижу загадочного человека в стильных темных очках, одетого в длинный кожаный плащ, полы которого при ходьбе разлетаются в стороны. И когда это происходит, можно увидеть пояс с двумя пистолетами у него на бедрах.

Англичанин прижал ладони к своим бедрам и изобразил, как выхватывает из кобур пистолеты и сразу обоих стреляет в невидимого врага.

Брейгель подумал, подумал – да и не стал разубеждать Орсона. Он снова подобрался к укрытию, из-за которого наблюдал за лагерьем наемников, но на этот раз направил бинокль в другую сторону. Он думал выяснить, где сейчас находятся Камохин с Осиповым. Но куда бы ни направлял свой взор, везде видел только песок. Лишь в одном месте, примерно на полпути от барханов к лагерю, он заметил песчаное веретено, обещающее вскоре превратиться в воронку. На большом расстоянии, не имея никаких ориентиров для сравнения, определить размеры аномального песчаного смерчика было проблематично.

Орсон снова выставил голову из-за плеча Брейгеля.

– Док! Я же сказал – не высывайся!

– Там что-то происходит.

– Где?

– В лагере!

Брейгель навел бинокль на лагерь наемников.

Широкий тент, накрывавший лагерь, вздулся подобно парусу. Или куполу воздушного шара, готового оторваться от земли и взлететь в небо. А из-под него во все стороны летели пыль и песок. Как будто в лагере работал гигантский вентилятор. А то и не один.

- Что это?
- Понятия не имею. – Брейгель прицепил к предплечью дескан, опустил на глаза очки и подтянул узел шемага. – Но что бы там ни происходило, сейчас им точно не до нас. Он передернул затвор автомата и поднялся в полный рост.
- А мне что делать? – нервно поинтересовался Орсон.
- Держись за мной, Док. И если скажу «ложись» – падай носом в песок, не мешкая.

Глава 3

Брейгель перепрыгнул через песчаный гребешок и, с трудом сохраняя равновесие на осыпающемся, ускользающим из-под ног песке, побежал вниз по склону. На бегу фламандец заметил, как слева, из-за песчаной гряды, выскочили Осипов с Камохиным. Они тоже надеялись добраться до лагеря наемников, пока там царила необъяснимая сумятица. Но внезапно на их пути выросло песчаное веретено и, чтобы не угодить в ловушку, квестерам пришлось резко свернуть в сторону.

Когда до лагеря оставалось около четырехсот метров, Брейгель увидел противника вживую. Наемник в крапчатых армейских штанах и расстегнутом жилете такой же расцветки выскочил из-под тента и опрометью кинулся прочь от барханов, туда, где расстилалась пустынная гладь, отдаленно напоминающая морскую. Брейгель остановился, вскинул автомат и поймал бегущего на прицел. Но так и не нажал на спусковой крючок. У наемника не было в руках оружия. И бежал он вроде в панике. Фламандец опустил автомат. Далеко не убежит – кругом пустыня.

Столб песка, взлетевший едва не на пятиметровую высоту, сорвал тент, укрывавший лагерь наемников. Во все стороны кинулись люди. Один из них побежал к барханам, увидел квестеров и схватился за висевший на боку автомат. Но фламандец выстрелил первым.

Столб песка опал, осыпался вниз, подобно серому дождю. И на какой-то миг показалось, что все вокруг замерло, успокоилось, сделалось умиротворенным и тихим. Но в следующую секунду из лагеря раздался истошный человеческий крик. Разбрасывая ящики, служившие наемникам укрытием, на свет появились огромные членистые лапы, покрытые устрашающими пилообразными наростами. Затем показалась уродливая голова, а следом – тело, похожее на раздутый бурдюк.

- Что это такое, Док? – с раздражением выкрикнул на бегу Брейгель.
- Гигантский паук, – спокойно ответил биолог.
- Разве пауки бывают такими огромными?
- На Земле – нет.

Паук поднялся, опираясь на восемь расставленных ног. Он был настолько велик, что самый высокий человек, например центровой баскетбольной сборной, мог бы пройти под ним, не пригибая головы. Если бы, конечно, у него хватило на то смелости и наглости.

Происходящее походило на кошмарный сон Красного Короля. Люди бежали врассыпную. Кто-то кричал, что именно – не разобрать. Кто-то стрелял непонятно в кого. Паук метался, пытаясь поймать мельтешащих под ногами людишек. И порой ему это удавалось. Один из наемников отчаянно вскрикнул и, вскинув руки, провалился в песчаную воронку. Над разгромленным лагерем вновь взлетел столб песка, на этот раз примерно вдвое ниже первого.

Наблюдая со стороны за всей этой ужасающей, граничащей с безумием сумятицей, Брейгель пытался пытаться по-быстрому сообразить, что делать. Гигантский паук – это, конечно, жутко интересно, но все же главной их целью был пакаль. Он либо остался в лагере, либо находился у кого-то из мечущихся по пустыне наемников. Знать бы еще, у кого именно. В растерянности глянув по сторонам, Брейгель приметил человека, не похожего на остальных. На нем была не армейская форма, а светло-коричневый полевой костюм с многочисленными кармашками, ремешками и погончиками. Возраст его тоже явно не подходил для службы. Он бежал, прихрамывая, придерживая левой рукой широкополую шляпу на голове, а локтем правой прижимая к боку небольшую походную сумку. Брейгель выбрал себе жертву. Этот человек точно не был наемником, а значит, он один из тех специалистов, ради которых в пустыню притащили груды аппаратуры. Ну, а раз так, он многое мог рассказать. Например, откуда появился паук. И, разумеется, где пакаль.

– Вперед, Док! – коротко скомандовал Брейгель и кинулся в погоню.

Тем временем чудовище, раскидав и растоптав почти всех разбежавшихся наемников, натолкнулось на пытавшихся прорваться к лагерю Осипова и Камохина.

– Замечательный экземплярчик, – лишь взглянул на него Камохин и сразу выстрелил из подствольника.

Граната угодила пауку точно в грудь. Несколько ошарашенный таким приемом, монстр чуть подался назад и вскинул две передние лапы.

– Крису он бы понравился, – заметил Осипов и тоже выстрелил в паука.

Чудовище еще немного подалось назад. Гранаты ему явно не нравились. Но в то же время они и не причиняли ему большого вреда. Для него это было чем-то вроде стрельбы горохом из бумажной трубочки. Неприятно и даже немного больно. Но вызывает скорее раздражение, нежели страх. Люди верно оценили ситуацию и кинулись прочь прежде, чем паук бросился на них. Но, даже имея хороший гандикап, соревноваться с гигантским пауком в беге по песку – ситуация заведомо проигрышная.

– Нужна идея, Док-Вик! – на бегу крикнул Камохин. – Хорошая идея!

Такая, чтобы сработала на раз, добавил он мысленно. Потому что второго шанса у них может и не оказаться.

Осипов глянул через плечо. Паук целеустремленно бежал следом за ними и был близок к цели. Внезапно раздался пронзительный свист справа, и в нескольких метрах от бегущих людей в воздух взлетел песчаный смерч высотой около метра.

– Туда! – Осипов резко свернул направо.

Камохин последовал за ним.

Собственно, выбор у них был невелик. Либо оказаться раздавленными чудовищным пауком, либо угодить в песчаную воронку, либо... Оставалось надеяться только на чудо.

Напрягая последние силы, стараясь быстрее выдергивать вязнувшие в песке ноги, люди пробежали мимо бешено вращающегося, будто буравящего землю песчаного веретена и услышали, как за спинами у них зашуршал осыпающийся песок. Казалось, бежать быстрее было уже невозможно. Но у них все-таки получилось. А может, им это только почудилось. На какое-то время мир для них двоих превратился только в тяжесть песка, в котором утопали ноги, в шелест песка, осыпающегося за спиной, в густой горячий воздух, который приходилось глотать порциями, как куски маргарина, и в терпкий мускусный запах, исходивший, должно быть, от паука.

Они остановились, только когда окончательно выбились из сил. В ушах шумело, кровь стучала в висках.

Колени дрожали.

Квестеры посмотрели друг на друга. Осипов пальцем стянул на подбородок край шемага, закрывавший низ лица.

– Ну как? – спросил Камохин.

Что он имел в виду?

Осипов посмотрел назад. Там уже ничего не было. Ни гигантского паука, ни поглотившего его песчаного водоворота.

Осипов потряс головой. Ему казалось, что у него все еще звенит в ушах. Хотя нет, это был не звон, а писк. Осипов дернул клапан висевшей на плече сумки и выхватил из нее отчаянно пищавший дескан, настроенный на поиск пакаля. Чуть левее и выше центра дисплея пульсировал красный огонек.

– Не может быть, – Осипов посмотрел на Камохина.

В такое везение действительно трудно было поверить. Спасаясь от паука, они, сами того не ожидая, еще и пакаль нашли.

– Это только дуракам везет, – серьезно, сдвинув брови, произнес Камохин. – А у нас все строится на точном расчете.

Он подмигнул ученому, положил автомат на плечо и уверенно зашагал к безжизненному телу, вдавленному в песок метрах в сорока от них.

Перевернув мертвого наемника на спину, Камохин первым делом сфотографировал его. Затем достал из сумки планшет и сделал скан левой ладони. Вернувшись в Центр, можно будет попытаться установить его личность. Покончив с рутинной, Камохин расстегнул нагрудный карман армейского жилета и достал из него квадратную металлическую пластинку размером с ладонь, с закругленными краями, плоскую с одной стороны и чуть выпуклую с другой.

– Держи, – кинул он пакаль Осипову.

Тот посмотрел на картинку на выпуклой стороне пакаля и удивленно хмыкнул.

– Да, мне тоже понравилось, – усмехнулся Камохин. – Есть в этом какая-то добрая ирония.

– День, можно сказать, удался, – в тон ему сказал ученый.

– Точно. – Камохин поднялся на ноги и отряхнул с коленей песок. – Осталось только Дока с Брейгелем найти. Не видишь, где они?

Осипов приложил ладонь козырьком ко лбу и посмотрел в сторону разгромленного лагеря.

Глава 4

Орсон с Брейгелем преследовали чужака, явно не похожего на наемника.

– Уважаемый! – на бегу окликнул его Брейгель. – Эй!

Тот оглянувшись, как-то странно взвизгнул и побежал еще быстрее. На вид ему было около шестидесяти, волосы седые, лицо худое, как будто измученное, на впалых щеках редкая щетина, глазки маленькие, узкие, будто вечно прищуренные, и злые. Видимо, от страха он плохо соображал, что происходит. Иначе давно бы остановился. Куда уж ему, с его-то хромотой, тягаться с квестерами? Да и куда бежать, когда вокруг только пески?

– Водички не желаете? – снова окликнул чудака Брейгель.

Тот споткнулся и едва не упал.

– Перестань издеваться над человеком, – одернул фламандца Орсон.

– Я разве издеваюсь? – удивился тот.

Орсон хотел было что-то ответить, но вдруг замер с разинутым ртом.

– В чем дело, Док?

– Паук, – едва слышно прошептал ученый.

– Я его не вижу.

– Он провалился в воронку.

– Ну и отлично. Нам меньше проблем.

– Ян!

– Док?

– Это был уникальный экземпляр!

– И что, ты собирался надеть на него поводок и отвести в Центр?

Биолог закатил глаза и беспомощно всплеснул руками. Тем самым он хотел сказать: «Ну разве способен стрелок понять ученого?» По сути, Орсона восхищал сам факт того, что подобное существо возможно, пусть даже не на Земле, а где-то. По крайней мере, он успел его заснять. Минуты две, когда паук гонялся за наемниками. Что, кстати, позволит оценить его размеры.

– Эй! Куда ты?.. Стой! – Брейгель снова кинулся следом за хромым, которого про себя прозвал «экспертом».

Тот, поминутно оглядываясь на преследователей, все еще пытался убежать. Откровенная глупость затеи почему-то совершенно не лишала его энтузиазма. Более того, он как-то приспособился и очень ловко выдергивал из песка ногу, на которую прихрамывал. И смотрел он при этом только назад и себе под ноги. В то время, как прямо у него на пути выросло небольшое, около десяти сантиметров высотой, очень тонкое песчаное веретено.

– Стой! – закричал Брейгель, пытаясь угнаться за хромым «экспертом». – Ну, или хотя бы сверни в сторону!

Фламандец видел веретено и знал, что за этим последует. «Эксперт» же заметил его, когда было уже слишком поздно. Песок начал проваливаться под его ногами. Испуганно вскрикнув, «эксперт» отчаянно взмахнул руками. Широкополая панاما слетела у него с головы и ее, словно мощной воздушной струей, затянуло вглубь расширяющейся воронки. Седые редкие волосы «эксперта» затрепетали на ветру, будто клочья пуха, готовые тоже сорваться и улететь.

Прикинув на глаз, каковы будут размеры воронки, Брейгель на бегу кинул на песок автомат и сумку, крикнул: «Держи меня, Док!» – и прыгнул, выбросив руки вперед.

Ему удалось поймать «эксперта» за плечи. Но тот, вместо того чтобы с помощью квестера попытаться выбраться из ловушки, безвольно, как мешок, обвис в его руках.

– Держу! – прыгнув следом за Брейгелем, Орсон ухватил его за пояс.

– Воронка расширяется?

– Нет вроде.

– Ладно, тогда держи крепче, я попытаюсь его вытащить.

Брейгель поглубже воткнул мысики ботинок в песок, стараясь найти опору, крепче ухватил «эксперта» за куртку на плечах и потянул его вверх, на себя. Но эффект получился обратный – он сам начал сползать в воронку.

– Док, держи меня!

– Держу!

Брейгель по плечи свесился над краем песчаной воронки, и вот тут-то ему представилась возможность заглянуть в нее. Дна он не увидел. Бешено вращающийся вихрь песка не сужался книзу, а словно уходил во тьму бесконечности. Так что и не воронка это была вовсе, а колодец. Но Брейгелю было не привыкать всматриваться в бездну. И он даже уже не ожидал, что когда-нибудь бездна сама начнет в него всматриваться. Ужасным было то, что песок, с бешеной скоростью несущийся по стенкам воронки или, если угодно, колодца, успел сорвать одежду с нижней части тела «эксперта» и теперь, как наждаком, счищал плоть с его костей. Брейгель предпринял еще одну попытку вытащить несчастного из ловушки, в которую тот по собственной же глупости и угодил, но у него ничего не вышло. Он лишь еще ближе сдвинулся к краю. Следующая попытка могла закончиться тем, что он сам полетит вниз. И неизвестно, долетит ли до дна или же еще раньше будет перетерт в кровавую труху этой чудовищной мясорубкой. Поэтому фламандцу ничего другого не оставалось, как только ждать, когда воронка начнет закрываться, смотреть на то, как песок слой за слоем сдирает плоть с ног «эксперта», и надеяться на то, что тот уже мертв. Держать же мертвое уже тело Брейгеля заставляло вовсе не тупое упорство. Вернее, не только оно одно. Поскольку «эксперт» явно был не рядовым наемником, у него в сумке могло находиться что-то представляющее интерес. Не зря же он столь отчаянно убегал от преследователей. Хотя пакаля у него определенно не было. В противном случае дескан на предплечье квестера давно бы распищался.

Сколько это продолжалось – трудно сказать. У Брейгеля уже голова начала кружиться от бесконечного вращения песка. Сколько его улетало вглубь этой бездонной дыры? Тонны? Сотни тонн?.. Непрерывный заунывный вой отдавался в голове тяжелыми ударами колокола. И, казалось, конца этому не будет.

Наконец тональность звука стала снижаться – это означало, что скоро воронка закроется. Брейгель полагал, что песок начнет подниматься снизу, но ошибся – начали сходиться стены. Как будто на них нарастали все новые и новые слои песка. Брейгель постарался откинуться подальше назад, чтобы самому не быть зарытым в песок. И когда тело «эксперта» оказалось погребенным в песке, так что сверху остались только голова и плечи, он наконец-то разжал онемевшие пальцы, перевернулся на спину и закрыл глаза.

– Ну, что там? – присел рядом на корточки Орсон.

– Надо было тебе самому заглянуть, – ответил Брейгель, не отрывая глаз.

– Да ладно, – недовольно скривился биолог.

– Спасибо тебе, Док, – чуть приоткрыв глаза, Брейгель улыбнулся. – Там, внизу, ничего интересного. Ну, то есть абсолютно ничего. Дыра в никуда. Одно скажу тебе определенно, с гигантскими пауками эти воронки точно не связаны.

– Тогда откуда этот паук выбрался? – Орсон посмотрел на разгромленный лагерь наемников. – Не с собой же они его принесли?

– А что, если это был киберпаук? – загорелся внезапно возникшей идеей Брейгель. – Они принесли его в ящиках, по частям, и уже тут собрали!

– А он вышел из-под контроля и принялся их жрать, – продолжил англичанин.

– Ну да! – Брейгель сел, потому что лежать на раскаленном песке стало невозможно.

– Не пойдет, – мотнул головой Орсон.

– Почему?

- Зачем они притащили в Гоби киберпаука?
- Ну-у... – задумчиво протянул Брейгель, пытаясь скоренько найти ответ на неожиданно возникший вопрос.
- Кроме того, можешь уж мне поверить, я способен отличить живое существо от робота.
- Это вы о чем? – спросил, подойдя к сидящим на песке квестерам, Камохин.
- О гигантском пауке, – ответил Брейгель. – Бегал здесь такой, пока вы не появились.
- Да, забавная была зверушка, – согласился Камохин. – Что скажешь, Док?
- О чем?
- О пауке.
- Его больше нет, – развел руками Орсон.
- И – все?
- Ну, еще я могу сказать, что он относится к отряду арахнидов. – Орсон поднялся на ноги, сложил руки на груди и постарался принять академический вид. Насколько это позволяли костюм и обстановка. – Живет в пустыне Гоби и питается заблудшими наемниками.
- Наверное, все же заблудившимися, – поправил англичанина Осипов.
- В данном случае без разницы, – тряхнул головой тот. – Вы, ребята, уничтожили уникальное животное.
- Ты бы предпочел, чтобы животное уничтожило нас? – хмыкнул Камохин.
- Ну, вот всегда ты так, – недовольно щелкнул пальцами Орсон. – Почему непременно или – или? Вы же, русские, сами говорите, что волки должны быть сыты, а овцы – целы.
- Так оно и есть, – примирительно улыбнулся Осипов. – Мы целы и у нас пакаль.
- Он протянул Орсону металлическую пластинку.
- Биолог повертел пакаль в руках, перевернул с одной стороны на другую и наконец провел по выпуклой стороне ребром ладони, как будто хотел очистить ее от пыли.
- Очень любопытно, – задумчиво пробормотал он.
- А это кто? – указал на торчащую из песка голову Камохин.
- Эксперт «черных» квестеров, – ответил Брейгель.
- Эксперт в какой области? – поинтересовался Осипов.
- Не знаю, – пожал плечами Брейгель. – Да, может, он и не эксперт вовсе. Но и на наемника не похож. Я думал, он знает, где пакаль, потому и тащил из воронок.
- Камохин обошел торчащую из песка голову, присел на корточки, двумя пальцами чуть приподнял подбородок и щелкнул фотоаппаратом.
- Что, вообще, здесь произошло? – спросил Брейгель у Осипова.
- Не знаю, – качнул головой тот. – Мы видели то же самое, что и вы. Сначала столб песка, потом – гигантский паук... Похоже, никого из наемников в живых не осталось.
- Один убежал вон туда, – махнул рукой Брейгель.
- Осипов поднял бинокль и посмотрел в указанную сторону.
- Не видно... Наверное, далеко убежал.
- Руку помощи достать, – попросил фламандца Камохин. – Скан хочу снять с ладони.
- Присев на корточки, стрелок принялся разгребать песок возле левого плеча мертвого «эксперта». А Брейгель, ухватив его под мышку, стал тянуть руку вверх. Очень скоро им удалось вытащить руку из песка. Камохин приложил ладонь к дисплею планшета. Брейгель тем временем ножом обрезал лямку и вытащил из песка сумку мертвеца. Ту самую, которую тот заботливо прижимал локтем. Сумка была чуть больше женской косметички. И лежала в ней только одна вещь. Черный гладко отполированный округлый камень величиной с большую перспелую грушу. – Док, я нашел тебе паука!
- Брейгель показал биологу камень, на котором было выгравировано стилизованное изображение паука, сделанное одной неразрывной линией. Округлое брюшко, вытянутая головогрудь с устрашающими хелицерами, четыре ноги вытянуты вперед, четыре – назад.

Брейгель улыбнулся:

– Видно, сегодня день паука.

Орсон ничего не сказал, а только как-то странно поджал губы. И показал пакаль. На котором был выгравирован – что бы вы думали? – паук! И не просто паук, а точная копия того, что был изображен на камне в руке фламандца.

И это было уже не совпадение.

– Я видел похожие камни. – Осипов взял камень у стрелка и осмотрел его со всех сторон. – На фотографиях. Очень похоже. Их называют камни Ики. И паук тоже кажется мне знакомым.

– Абсолютно! – согласился с ним Орсон. – Это рисунок из долины Наска.

– Верно, он самый...

– Пойдите, пойдите! – вскинув руки, прервал диалог ученых Камохин. – Ика, Наска – где это?..

– В Южной Америке.

– А мы? – Брейгель выразительно посмотрел по сторонам. – Мы все еще в Монголии?

– Хочется в это верить.

– А паук?

– Какой еще паук?

– Гигантский паук, растоптавший наемников. Может быть, он тоже из Южной Америки?

– Насколько мне известно, даже в Южной Америке не водятся такие огромные пауки, – авторитетно заявил Орсон.

– Но там ведь непроходимые джунгли, неизведанные места, куда еще не ступала нога человека... Может быть, где-то там?

– Видишь ли, Ян, таких огромных пауков на Земле, в принципе, не может быть. Ни в Монгольской Гоби, ни в амазонской сельве. То животное, которое мы видели, скорее всего, лишь внешне напоминало паука. Подобное нередко встречается в животном мире. Так, например, дельфины похожи на рыб. А летучие мыши – на птиц. Самое крупное паукообразное на Земле – паук-птицеед с длиной тела девять сантиметров...

– Док! – громко перебил Орсона Камохин. – Я дико извиняюсь за то, что вынужден прервать твою в высшей степени познавательную лекцию, но мне хотелось бы, чтобы все обратили внимание на то, что происходит вокруг.

Глава 5

Камохин был прав – вокруг, действительно, происходило нечто странное. То там, то здесь из-под земли вдруг начинали бить фонтаны песка. Небольшие, не выше метра. Но их было много. Причина их появления была непонятна. Но при виде их в памяти сразу отчетливо вырисовывался огромный столб песка, сорвавший тент с лагеря наемников. И эта аналогия внушала опасение. Ну, а кроме всего прочего, существовало железное правило квестера: в аномальной зоне следует опасаться всего, а непонятного – в особенности.

– Нужно уходить.

– Куда?

– Туда! – Стволом зажато в руке автомата Камохин указал в сторону пустыни, куда вели следы сбежавшего наемника и где песок все еще оставался спокойным и ровным.

– Сначала нужно осмотреть лагерь, – решительно заявил Осипов.

– Боюсь, Док-Вик, у нас на это нет времени.

– Если мы будем стоять здесь и спорить, тогда времени точно не будет, – сказал Осипов и, дабы не продолжать спор, побежал к лагерю.

Брейгель с Камохиным переглянулись, и Камохин выразительно двинул бровями.

Брейгель усмехнулся:

– Ну, можно же хотя бы одним глазком взглянуть.

Орсон подтянул до носа нижний край шемага и побежал следом за Осиповым.

Прямо у него из-под ног вверх ударила струя песка. Биолог, как лошадь, прынул назад, потом обогнул фонтан и, втянув голову в плечи, побежал дальше.

Казалось, заряды песка выстреливали все чаще. И фонтаны взлетали вверх все выше. Возможно, это было обманчивое впечатление, но оптимизма оно не прибавляло. Как бы там ни было, но, пробираясь к лагерю наемников, лавировать приходилось, как на трассе слалома. Все четверо благополучно добрались до площадки, по которой были разбросаны пластиковые кофры и ящики, и тут их ожидал еще один сюрприз. Или – целая россыпь сюрпризов. Это уж как посмотреть.

Начать, наверное, следует с того, что в самом центре лагеря – хотя, конечно, центр этот был условный, поскольку и лагеря, как такового, не было, лишь только валявшиеся повсюду ящики и раздавленные тела двух наемников, не успевших покинуть сей условный лагерь, – так вот, в самом центре этого всего красовалась квадратная дыра, похожая на устье колодца, обложенная по краям светло-серыми каменными плитами, лишь слегка присыпанными песком. Вокруг нее были во множестве рассыпаны самые странные мелкие предметы, которые вряд ли кто рассчитывал увидеть в пустыне. Больше всего было маленьких разноцветных стеклянных шариков, которыми так любят играть дети. Приоткрыв стволом автомата крышку одного из кофров, Камохин увидел, что он почти наполовину заполнен точно такими же шариками. Рядом с кофром валялся мешок, в котором еще оставалось несколько пригоршней мелких птичьих перьев. Те перья, что прежде были высыпаны из мешка, по всей видимости, унес ветер. Лишь некоторые из них остались, зацепившись за неровности грунта. Поверх шариков вокруг колодца был насыпан круг черной, кажущейся маслянистой золы, которую частично тоже сдуло ветром. Золу, как и перья, принесли в мешке, лежавшем неподалеку. Камохин старательно фиксировал все это фотоаппаратом. Глядя на него, Орсон тоже достал видеокамеру и принялся снимать.

– Что все это значит? – Брейгель приподнял крышку очередного кофра, доверху заполненного пенопластовыми чипсами, как будто в нем перевозили очень дорогую и хрупкую антикварную вазу.

– Похоже на культ вуду, – мрачно заметил Орсон.

– Да ладно! – недоверчиво посмотрел на него Камохин.

– Тогда что это такое?

Биолог протянул стрелку небольшую палочку, к которой были привязаны десятка полтора обрезков толстой конопляной веревки разной длины с причудливыми узелками.

– Похоже на кипу, – сказал Осипов. – Индейские узелковые письма.

– Ну, если только это монгольские индейцы, – скептически усмехнулся Орсон и спрятал странный предмет в сумку.

– Ты разбираешься в вуду, Док? – спросил Брейгель.

– Как и всякий образованный человек, – гордо вскинул обмотанный шемагом подбородок Орсон.

На дне ящика, от которого за версту разило формалином, было полно осколков толсто-стенной посуды без этикеток.

Брейгель поворошил песок ногой, затем наклонился и поднял небольшую куклу, связанную из разноцветных ниток.

– Похоже, здесь можно найти все, что угодно, кроме научной аппаратуры, – заметил он.

Осипов заглянул в очередной кофр, совсем небольшой по сравнению с остальными. Среди разноцветных пенопластовых шариков лежал череп. Настоящий человеческий череп, без нижней челюсти. И с небольшой круглой дыркой в центре лба. Судя по виду, череп был очень старый. Осипов аккуратно взял его в руки. Внутри что-то стукнуло. Осипов встряхнул череп. Стук повторился. В черепе находился какой-то небольшой, но увесистый предмет.

– Крис! – Осипов показал череп биологу.

– Ничего интересного, – пожал плечами тот. – Обычный человеческий череп. Судя по состоянию кости, я бы сказал, что его вырыли из какой-то старой могилы.

– Там внутри что-то есть. – Осипов встряхнул череп.

– Пуля. – Брейгель приложил указательный палец к отверстию. – Пробила лобовую кость, отколошетила от задней стенки и осталась внутри.

– А, может быть, это что-то другое?

– Чтобы убедиться в том, что я прав, придется его расколоть.

– Я не стану это делать.

– Я тоже.

Осипов осторожно уложил череп обратно в кейс с пенопластовыми шариками и закрыл крышку.

– Все это, конечно, глупые суеверия, но тем не менее все разумные люди предпочитают держаться подальше от старых костей. Кто знает, быть может, в этом есть какой-то смысл?

– Конечно, – усмехнулся Орсон. – На старых костях полно патогенных микроорганизмов.

Камохин откинул кусок брезента, придавленный тремя большими камнями.

– Этого я уже совсем не понимаю.

Под брезентом стоял квадратный пластиковый ящик с четырьмя большими лабораторными бутылками, называемыми «четвертями». Каждая объемом два с половиной литра. Три бутылки были пустые, но, судя по потекам, оставшимся внутри, на стенках, в них содержалась густая темно-красная жидкость. Последняя четверть, заткнутая черной резиновой пробкой, оставалась полной.

– Что это, Док?

Орсон, не долго думая, выдернул пробку и сунул в горлышко палец.

– Это кровь, – объявил он, посмотрев на перемазанный красным палец. – Не свернувшаяся, потому что в нее добавлен антикоагулянт.

– Кровь? – непонимающе сдвинул брови Камохин. – Чья?

Брейгель и Осипов так же выжидающе смотрели на биолога.

– Вы, ребята, слишком высокого обо мне мнения. – Орсон вытер палец о песок. – Вот так, на глаз, я это определить не могу.

– Зачем им была нужна кровь?

– Я же сказал, ритуал вуду.

– Готов согласиться с Доком. – Брейгель помахал найденной куколкой. – Каким-то шаманизмом это пахнет.

– Хотите сказать, наемники с помощью магии вызвали гигантского паука? – недоверчиво прищурился Камохин.

– А откуда он еще мог появиться? – пожал плечами Орсон. – Не из этой же дыры? – кивнул он на квадратное отверстие в песке.

– Ну хорошо, а зачем они это сделали?

– Быть может, рассчитывали получить что-то другое? – предположил Осипов.

– Нет, нет, нет! – протестующе потряс головой Орсон. – Ничего другого быть не могло! Паук на пакале и паук на камне! Им был нужен именно паук.

– Тогда, может быть, они надеялись, что паук будет не такой здоровый? – предположил Брейгель.

– Большой, маленький – какая разница! – Осипов настороженно посмотрел на фонтан песка, взметнувшийся в воздух в двух шагах от того места, где он стоял, и при этом перевернувшийся серый кофр. – Они что, несли сюда все это только для того, чтобы посмотреть на паука?

– Мы могли бы узнать, что они хотели, если бы кто-то, – Орсон бросил неодобрительный взгляд сначала на Осипова, затем – на Камохина, – не угробил этого самого паука.

– Кончай, Док, – недовольно поморщился Камохин. – Ну сколько можно? Этот паук угробил бы всех нас, если бы мы от него не избавились. Давайте-ка лучше скоренько отсюда умотывать. Все обсудить и обдумать можно и в другом месте.

Камохин был прав. Песчаные фонтаны взлетали вверх все чаще и выше. Казалось, весь участок пустыни, заключенный в полукольцо барханов, ходит ходуном. Чем это закончится и закончится ли когда-нибудь вообще, даже гадать было бесполезно. Аномальная зона непредсказуема, как бешеный енок, которого лучше не трогать, даже если он и выглядит лапчочкой.

– Остался колодец!

Осипов подбежал к колодцу, опустился коленями на каменную плиту и достал из сумки фонарь.

– Док-Вик, – с тоской посмотрел на него Камохин. – Это просто заброшенный пересохший колодец.

– Наемники выбрали это место не случайно.

Осипов наклонился и осветил фонариком вниз.

Глубина колодца составляла семь-восемь метров. Стены были облицованы каменными плитами. А по одной из стен тянулась узкая раскладная лестница, закрепленная наверху.

– Они спускались вниз! – посмотрел на друзей Осипов.

– Ну и что? – развел руками Камохин. – Ты тоже хочешь туда спуститься?

– Конечно!

Осипов сел на край колодца, свесив ноги.

– Док-Вик! На это у нас точно нет времени! Такое впечатление, что здесь сейчас все рванет! – Камохин посмотрел на небо. Из-за безостановочно следующих один за другим песчаных выбросов оно казалось затянутым пылью. – Что ты рассчитываешь там найти?

– Не знаю.

Осипов поставил ногу на металлическую ступеньку, ухватился рукой за другую и начал быстро спускаться.

А вокруг уже свирепствовала песчаная буря. Ветер, завывая, как стая баньши, подхватывал взлетающий вверх песок и не давал ему упасть. Все крутилось, вертелось, переворачива-

лось с ног на голову и обратно, словно в безумном калейдоскопе. С грохотом покати́лся подхваченный ветром ящик. За ним – другой.

– Может быть, нам всем стоит спуститься в колодец? – прикрывая лицо краем шемага, спросил Брейгель. – Переждем там эту свистопляску?

– А если колодец рухнет?

– С чего бы вдруг?

– Откуда я знаю!

– Друзья, не надо спорить! – примирительно поднял руки Орсон. – Мы все тут взрослые люди и у каждого есть голова на плечах! Вы как знаете, а я присоединюсь к Вику.

Из-за шемага и больших защитных очков лица биолога не было видно. Но Камохин готов был поклясться, что на нем сейчас выражение лукавства. По непонятной для стрелка причине лицо биолога всегда принимало лукавое выражение, когда он объявлял о какомто своем решении, от которого не собирался отказываться. Причем не имело никакого значения, что это было – желание выпить чаю с бисквитом или вызвать на боксерский поединок чемпиона в полутяжелом весе.

– Идем, – коротко кивнул Камохин.

– Эй, Вик! – крикнул, встав на четвереньки на краю колодца, Орсон. – Как ты там?

– В порядке! – посветил снизу фонариком Осипов. – Спускайтесь! Вам всем нужно это увидеть!

– Ну, что я говорил? – усмехнулся англичанин и первым начал спускаться.

– А что он такого сказал? – посмотрел на фламандца Камохин.

Брейгель что-то произнес в ответ, но налетевший порыв ветра подхватил и унес его слова. Камохин стряхнул песок с шемага и полез в колодец.

Глава 6

Подземелье.

Многомерность.

Внизу было, как и полагается в колодце. Прохладно, темно и мрачно. Ветер завывал где-то далеко вверху. Лишь отзвуки его эхом отражались от каменных стен. А вот песок, поднятый ветром, сыпался в колодец постоянно.

Камохин снял очки, стянул край шемага под подбородок и осветил фонариком сначала по сторонам, затем – вдаль. Проход, начинающийся на дне колодца, тянулся так далеко, что луч фонаря, не встречая преграды, растворялся во тьме. Он был достаточно высокий, чтобы идти не пригибаясь, и широкий, чтобы два человека могли свободно разойтись. Стены, пол и потолок были облицованы плитами из светло-коричневого песчаника. Брейгель провел пальцем по стыку между двумя плитами на стене. Зазор оказался настолько узкий, что в него невозможно было бы просунуть лезвие остро заточенного ножа. Плита была испещрена множеством крошечных значков, похожих на личинки насекомых или причудливо свернувшихся червячков.

Ученые уже ушли вглубь коридора. Лучи их фонарей скользили по стенам. То и дело темноту взрывали фотовспышки. Осипов и Орсон что-то оживленно обсуждали, забыв, скорее всего, обо всем на свете. А уж о стрелках – и подавно.

– Эй! Товарищи ученые! – окликнул ушедших Камохин. Те разом обернулись, ослепив стрелка лучами своих фонарей. – Вы далеко собрались? – Камохин прикрыл глаза ладонью.

– Идите сюда! – ответил Орсон. Голос его эхом раскатился под низким сводом. – Это необычайно интересно!

– С ними не поспоришь, – усмехнулся Брейгель и зашагал вперед.

Камохину страшно не хотелось уходить от колодца. Он и сам не мог в точности объяснить почему. Вроде бы никаких дурных предчувствий у него не было. А вот не хотелось, и все тут! Но при этом он понимал, что Брейгель прав, лучше подойти к ученым и посмотреть, что они там отыскивали, чем перекликаться издали.

Пройдя примерно половину пути, отделявшего их от ученых, Брейгель неожиданно остановился и осветил на стену.

– Бамалама... – произнес он едва слышно.

– Ну как? – спросил Осипов.

– Наводит на размышления.

Плиты с высеченными на них непонятными письменами закончились. На очередной плите, во всю ее высоту, был вырезан паук, вытянувший лапы вверх и вниз. Точно такой же, как на пакале и на камне, найденном в сумке «эксперта».

Камохин направил свет на противоположную стену – там был точно такой же паук.

– И что это значит?

Вопрос повис во мраке и тишине.

Стрелки медленно пошли дальше, вода лучами фонарей по стенам.

После изображений пауков они увидели большие стилизованные звезды. Дальше – две плиты с изображениями лодки с мачтой, на которой человек, стоящий в лодке, пытался растянуть парус. У человека была большая голова с неправильными чертами лица и очень длинным носом. Руки и ноги его были словно из пластилина, а на спине – горб. Станным казалось и то, что лодка как будто висела в пустоте – под ней не было даже условных волнистых линий, обозначающих воду, как изображают ее дети или древние египтяне. Рисунки были совершенно одинаковые по обеим сторонам прохода, будто сделанные по одному клише. За странными лодочниками следовали плиты, вновь испещренные странными письменами.

– Кто-нибудь в курсе, что это за язык? – громко спросил Камохин.

– Мы с Крисом сошлись во мнении, что это язык майя, – ответил Осипов. – Хотя, конечно, мы не специалисты.

– Слыхал? – кивнул Камохин Брейгелю. – Два не специалиста уверены, что это написали майя!

– Нормальный научный подход, – ничуть не удивился фламандец. – Теперь мы в курсе, чьи это искусства.

Дальше по обеим стенам чередовались следующие рисунки: оскалившийся человеческий череп, треснувший кувшин, закрученная спиралью морская раковина, страшный зверь...

– Это – динозавр! – остановился возле последней картинке Брейгель.

– Дейноних, – уточнил Орсон.

На следующих двух плитах был нарисован до безобразия толстый человек в чудном, испещренном змеящимся узором костюме. Руки у него были расставлены, потому что талия была слишком широка для того, чтобы прижать их к бокам. А вот почему у него была только одна нога?.. Может, другую дейноних отхватил?.. На голове у него была облегающая шапка, похожая на танкистский шлем. А на глазах – защитные очки, в точности такие, как у Орсона!

– Док, он похож на тебя! – указал на картинку Камохин.

– Неправда, – обиделся биолог. – Я совсем не толстый.

– Вы все это задокументировали? – помахал руками по сторонам Брейгель.

– Конечно, – кивнул Осипов. – Взгляните-ка на это.

На плите, возле которой остановились ученые, был изображен человек с огромным носом, оттопыренными губами и зверски выпученными глазами. Голову его украшал убор из птичьих перьев, руки были раскинуты, а ноги едва ли не завязаны узлом. Рисунок, как и все предыдущие, был в точности скопирован на противоположной стене.

– Я его знаю! – ткнув пальцем в стену, воскликнул Камохин. – Это же парень с пакаля, который мы нашли в замерзшем городе!

– Точно, – согласился Брейгель.

– Остальные рисунки, как мне кажется, я тоже видел на доске пакалей в кабинете у Кирсанова, – сказал Осипов. – Я могу и ошибаться, но в любом случае стилистика рисунков очень похожа. Все это стилизации под искусство древней Мезоамерики.

– И надписи на языке майя, – добавил Брейгель.

– Верно.

– В центре Монгольской Гоби?

Осипов только руками развел:

– Аномальная зона. Быть может, этот подземный ход – тоже ее часть.

– Наемники, выходит, знали о нем?

– Или они сами открыли вход, – заметил Орсон.

– И выпустили охранявшего сокровища паука, – усмехнулся Камохин. – Интересно, здесь нет еще одной такой же твари?

– Еще раз повторяю, это был не паук! – менторским тоном изрек Орсон. – На Земле арахниды так же, как насекомые и членистоногие, не имеют внутреннего скелета. Вес их тела распределяется по внешнему хитиновому покрову. С увеличением размеров насекомых увеличивается и их масса. А значит, должна увеличиваться и толщина хитинового покрова, чтобы он не ломался под весом мышц. Вся проблема в том, что хитиновый панцирь обладает собственной массой. Становясь толще и тяжелее с увеличением массы самого насекомого, хитиновый панцирь в какой-то момент становится настолько тяжелым, что животное не в состоянии двигаться. Это все равно что пытаться сделать танк неуязвимым, наращивая толщину брони.

– Но тот паук, которого мы видели, бегал довольно резво.

– О чем я и говорю! Это существо только внешне напоминало паука! На самом деле таковым не являясь. У него непременно должен быть внутренний скелет. А из этого я делаю

вывод, что это существо неземного происхождения. Потому что даже в доисторические времена насекомые на Земле не имели внутреннего скелета.

– Я в детстве считал, что все пауки, если и не инопланетяне, так все равно какие-то монстры, – сказал Брейгель. – Уж очень они необычные на вид. И сети, опять же, плетут. К тому же они еще и ядовитые...

– Вопреки расхожему мнению, на Земле нет ни одного вида ядовитых пауков! – авторитетно встал на защиту арахнидов биолог.

– А как же тарантул?

– Чушь! Укус тарантула болезнен, но не смертелен.

– Серьезно? Ты меня успокоил, Док!

– А что там дальше? – Камохин посветил фонариком в дальний конец коридора.

Луч света скользнул по стенам, потолку и исчез в темноте.

– Похоже, этот коридор уходит в никуда, – сказал Брейгель.

– А этот?

Осипов посветил рядом с плитой, на которой был нарисован большеголовый человек с пакаля. На месте очередной плиты темнел новый проход. Орсон посветил в другую сторону. Там имелся точно такой же проход, уходящий под прямым углом от центрального.

Камохин заглянул в ближайший к нему проход. Точно такие же стены из светло-коричневого песчаника, испещренные загадочными письменами.

– Это просто лабиринт какой-то, – озадаченно произнес он. – Предлагаю вернуться назад.

– Почему? – удивленно спросил Орсон.

– Чтобы не заблудиться.

– Если идти все время прямо, то не заблудимся.

– А можно еще держаться рукой за левую стену, – сказал Брейгель. – Потом, когда повернешь назад, нужно прижать к стене правую руку. И без проблем выйдешь туда, откуда пришел.

– Можно делать отметки на стенах, – показал толстый черный маркер Осипов.

– Вы что, собираетесь исследовать этот лабиринт? – непонимающе посмотрел на товарищей Камохин.

– Ну, для того, чтобы заняться серьезным исследованием этого крайне любопытного объекта, у нас слишком мало времени и недостаточно провизии, – с сожалением развел руками Осипов. – Но мы можем хотя бы попытаться осмотреть и задокументировать то... то, что сможем.

– Док-Вик, – подозрительно прищурился Камохин. – Скажи честно, ты пытаешься задурить мне голову?

– Вовсе нет, – обиделся Осипов. – Я просто сам запутался.

– Так, – Камохин посмотрел на часы. – Через два часа за нами прилетит вертолет.

– Мы не так далеко ушли от места встречи, – сказал Брейгель. – Если подадим сигнал от колодца, в вертолете увидят ракету.

– Это если наверху прекратится песчаная буря.

– А если не прекратится, так нам там все равно делать нечего. Вертолет повторит заход через шесть часов. А потом – еще через шесть... И так пока не надоест.

– Прости? – непонимающе наклонил голову к плечу Орсон. – Что значит «пока не надоест»?

– Пока в Центре не решат, что в этом больше нет смысла, – уточнил Камохин.

– И когда же наступит столь значимый для нас момент?

– Полагаю, все зависит от того, насколько высоко ценит нас господин Кирсанов.

– Если бы он знал, что мы здесь нашли, – похлопал ладонью по стене Осипов, – он бы сам сюда прилетел.

– Честно признаться, у меня все это как-то не укладывается в голове, – помахал растопыренной пятерней Брейгель. – Ну ладно гигантский паук – в аномальной зоне чего только не увидишь. Но пакаль с изображением паука, камень с пауком и теперь еще подземный ход, в начале которого нарисован все тот же паук... Какая тут связь?

– Тот же самый паук изображен в долине Наска, – напомнил Осипов.

– Только очень большой, – добавил Орсон.

– Как тот, что бегал наверху? – ткнул пальцем в потолок Брейгель.

– Больше.

– Да, куда уж больше-то? – развел руками фламандец.

– Гораздо больше.

– Игорь, как убедить тебя в том, что нам следует осмотреть этот туннель?

– Меня не нужно ни в чем убеждать, – набычился Камохин. – Мы выполнили миссию – пакаль у нас. Любые другие действия в аномальной зоне должны быть заранее продуманы, спланированы и подготовлены.

– Ты сам-то понял, что сказал? – насмешливо посмотрел на него Орсон. – Мы понятия не имеем, с чем можем столкнуться в аномальной зоне. Как при этом можно что-то заранее спланировать? Откуда мы могли знать, что найдем этот проход?

– Если этот проход столь важен, мы вернемся сюда снова, как следует подготовившись.

– А ты уверен в том, что к тому времени он все еще будет здесь? Этому туннелю место в Южной Америке, а никак не в Монголии!

По мнению Камохина, самое разумное, что можно было сделать в подобной ситуации, это поскорее убраться из туннеля, которому здесь не место. Осторожность, присущая ему от природы, была отточена и обострена годами службы в спецназе. А исключительное здравомыслие он так и вовсе считал своей отличительной чертой. И именно здравомыслие подсказало ему, что не такого ответа ждут от него остальные члены группы. К тому же, если наверху продолжала бушевать песчаная буря, шансов улететь с первым рейсом вертолета у них все равно не было.

Глава 7

Камохин снял с плеча автомат и сумку и кинул к стене.

- Предлагаю перекусить.
- А потом? – быстро спросил Орсон.
- А потом посмотрим, куда ведет этот туннель.
- Вот, это другой разговор!

Все сразу оживились. Включая Брейгеля, которому тоже было до жути интересно исследовать загадочный проход. Однако он считал неуместным вступать в спор с Камохиным. Стрелкам следовало держаться заодно, поскольку их задача – обеспечивать безопасность группы. И Камохин делал для этого все от него зависящее.

Квестеры расселись на полу, напротив друг друга, спинами к стенам. Из сумок появились пакеты саморазогревающихся пайков из армейского рациона, фляги с водой и маленький аккумуляторный электрочайник, без которого Орсон никогда не отправлялся в квест.

Пока еда разогревалась, а вода закипала, Орсон достал из сумки планшет, включил его и принялся пальцем гонять иконки по экрану.

- А что на другой стороне пакала? – спросил Брейгель.

Биолог достал пластинку и продемонстрировал ее плоскую сторону. Все как обычно – две прямые непересекающиеся линии и странный завиток в углу, похожий на фрагмент спирали.

– Не представляю, что можно будет увидеть, когда все пакали будут собраны и сложены на доске, – едва заметно качнул головой Камохин. – На всех, что побывали у нас в руках, только прямые линии и дуги.

- Может быть, это график? – предположил Осипов. – Или схема какого-то устройства?
- Ну, если только телеги, – усмехнулся Камохин.
- Между прочим, ряд исследователей считает этого паука, – Орсон взмахнул пакалем, – диаграммой звездного скопления в созвездии Ориона.

- Ну, и что? – пожал плечами Камохин.
- Не знаю, – честно признался Орсон. – Я только что прочитал об этом.
- Так это тот же самый паук, что и в долине Наска? – спросил Брейгель.
- Не берусь утверждать с уверенностью, но, на мой взгляд, очень похож.

Орсон перевернул планшет и продемонстрировал всем остальным изображение паука на дисплее.

- Он самый, – кивнул Осипов. – Как будто под копирку сделаны.
- Я слышал про долину Наска. – Камохин открыл пакет с едой и перемешал содержимое вилкой. – Это пустыня где-то в Южной Америке, на поверхности которой вырублены гигантские изображения разных животных.

– Наска – это не пустыня, а плато на юге Перу, – уточнил Орсон, сверившись с планшетом. – Гигантская литосферная плита, покрытая так называемыми гелиографами – вырубленными в камне гигантскими изображениями. И это не только животные, но и геометрические фигуры, птицы, цветы. Некоторые достигают в длину более сотни метров. Поэтому с поверхности земли их не видно. Кстати, длина паука из Наска сорок шесть метров, – биолог улыбнулся. – Немного побольше того, что мы видели. Рисунки открыл в тысяча девятьсот тридцать девятом году американский археолог Пол Косок, пролетавший над плато на самолете.

- Эти рисунки тоже сделали майя?
- Нет, они принадлежат еще более древней, доинкской культуре, которая так и называлась «цивилизация наска».
- То есть самолетов у них не было?
- Полагаю, что нет, – улыбнулся биолог.

– А как же золотые самолетики? – лукаво прищурился Осипов.

– Какие еще самолетики?

– Золотые подвески в виде самолетиков, которые находят все там же, в Южной Америке, и датируют примерно тем же периодом, что и рисунки в долине Наска.

– Я думаю, чисто случайное внешнее сходство, – скептически скривил губы Орсон. – Для жителей древней Мезоамерики так называемые «самолетики» символизировали что-то совершенно другое, что нам сейчас непонятно. Мы же находим подобие среди привычных нам образов.

– Для чего тогда нужны рисунки, которые невозможно увидеть? – спросил Камохин.

– На сей счет существует несколько гипотез. Одни исследователи говорят, что это своеобразная форма посланий живущим на небесах богам. Другие считают, что это гигантский астрономический календарь. Ну и наконец самая популярная версия гласит, что плато Наска это не что иное, как древний космодром, а рисунки – указатели для инопланетных кораблей.

– Как-то с трудом верится в то, что на космических кораблях не было никаких навигационных приборов и им приходилось ориентироваться по рисункам на земле, сделанным индейцами, – усмехнулся Камохин.

– Я изложил все имеющиеся версии. – Орсон ковырнул вилкой в пакете, достал кусок мяса, сунул его в рот и снова взялся за планшет.

– Откуда эта информация? – поинтересовался Осипов.

– Из справочника «Загадочные и таинственные места планеты Земля». Издано еще до начала Сезона Катастроф. Ириша посоветовала загрузить. – Орсон двумя пальцами развернул новое окно на дисплее. – Кстати, оказывается, гелиографы не такая уж редкость на Земле. В Англии, в Оксфордшире, на склоне холма изображена гигантская лошадь. А в России, в Челябинской области – фигура гигантского лося. А самый большой гелиограф, имеющий в длину более четырех километров, был найден в Австралии.

– Тоже паук? – попытался угадать Камохин.

– Нет, изображение человека.

– А камень с пауком, что мы нашли у «эксперта», тоже из Южной Америки? – Брейгель положил себе в кружку чайный пакетик и налил кипятка.

– Судя по всему, да, – Орсон взял камень в руку и покрутил его, как будто это был крикетный шар, который он собирался бросить. – Это один из так называемых камней Ики. Они представляют собой обкатанные в реке осколки вулканической породы, называемые андезитами. Их якобы находят возле, опять же, перуанского города Ика. Размеры камней от нескольких граммов до нескольких центнеров. Всего на настоящий момент в различных коллекциях хранятся десятки, если не сотни тысяч экземпляров. Камни Ики знамениты вырезанными на них рисунками. Помимо обычных, вроде паука, что у нас, на камнях часто изображаются люди, едущие верхом на динозаврах и даже летящие на птеродактилях, люди, наблюдающие за звездами в телескопы, делающие различные сложные полостные операции, вроде пересадки сердца и переливания крови. В общем, совершенно фантастические сюжеты.

– И эротические, – добавил Осипов.

– Да, эротика, присутствует. – Орсон пальцем пролистнул несколько картинок. – На мой взгляд, довольно грубая и даже вульгарная. Коллекционеры покупают камни у местных жителей – уакейрос, охотников за древностями. Чтобы подтвердить подлинность камней, уакейрос готовы показывать место, где они были найдены. Как правило, это ничем не примечательные участки пустыни. А профессиональные, заслуживающие доверия археологи ни разу не находили камни с рисунками. Техники, изучавшие камни, пришли к выводу, что рисунки можно было сделать с помощью фрезы бормашины, а вот инструменты из обсидиана, кремния или бронзы, имевшиеся в распоряжении древних обитателей Мезоамерики, оставляли на андезите лишь едва заметные царапины. Все это свидетельствует о том, что большинство из камней

Ики, по всей видимости, подделки. Хотя не исключено, что начало всей этой каменной лихорадке положила находка нескольких настоящих, древних камней, с вполне традиционными для доколумбовой Америки изображениями. Наиболее крупным собранием камней Ики является коллекция доктора Хавьера Кабреры, насчитывающая порядка одиннадцати тысяч экземпляров. Кабрера был уверен, что выявил некую систему в нанесении изображений на камни. Он считал, что камни Ики представляют собой гигантскую каменную библиотеку. Камни, по его мнению, группируются в серии от шести до двухсот штук, и, разложив их по порядку, от самых маленьких до самых больших, можно получить осмысленные, развивающиеся сюжеты, – биолог отложил планшет. – Бред полнейший! Выходит, врачи, проводившие операцию на сердце, делали записи о состоянии пациента, выцарапывая картинки на камнях!

– Весьма познавательно, Док. – Камохин кинул пластиковую ложку в опустевший пакет, аккуратно свернул его и убрал в сумку. – Ну, а каким образом все это связано с этим туннелем?

– Я всего лишь изложил факты, – Орсон щелкнул ногтем по пауку на пакале. – Но вот как их увязать воедино, я понятия не имею.

– Судя по рисункам и письмам на стенах, можно предположить, что этот туннель или лабиринт также относится к культуре древней Мезоамерики. – Осипов поднялся на ноги и подтянул обмотанный вокруг шеи шемаг.

– То есть его построили индейцы, не имевшие железных орудий и не знавшие колеса? – уточнил Брейгель.

– Ну, если они строили пирамиды, почему бы им не вырыть подземный ход? – резонно заметил Камохин. – Телевидения с Интернетом у них не было, поэтому времени было невпроворот. Вопрос в том, куда этот проход ведет?.. Если его тут вообще не должно быть.

– Паук на камне, паук на пакале и паук при входе.

Не похоже на простое совпадение.

– Точно, – кивнул Брейгель. – И наемники, наверное, не зря сюда топали. Таща на горбу все эти шарики, черепа и бутылки с кровью.

– Видимо, пакаль каким-то образом подсказал им, где находится вход в подземелье.

– Или они сами его открыли, – сказав это, Орсон сделал паузу. Многозначительную, как сам он полагал.

Другие же, однако, так не считали. И продолжали спокойно есть. Как будто не услышали ничего необычного.

– А что? – лицо англичанина обиженно вытянулось. – Вы думаете, они просто так понасыпали вокруг колодца перья и шарики?.. А кровь зачем им была нужна?..

– Ну, и зачем им была нужна кровь? – спросил Камохин, уже догадываясь, какую теорию намерен развивать англичанин.

– Культ вуду! – многозначительно произнес Орсон.

– Бред! – фыркнул Камохин.

– За пределами аномальной зоны – конечно, – тут же согласился с ним Орсон. – Но здесь, где все законы и правила вывернуты наоборот, – совсем другое дело.

Камохин включил фонарь и направил свет вглубь прохода, рядом с которым он сидел. Тьма чуть подалась назад.

– Мне кажется, я тебя не убедил, – сказал Орсон.

– Я не верю ни в магию, ни в астрологию, ни в прочую чертовщину, – заявил стрелок.

– А в алхимию?

– При чем тут это?

– Я просто спросил.

– Нет.

– А в гадание на картах Таро?

– Нет.

– В нумерологию? – Нет.

– В каббалистику?

– Я вообще не знаю, что это такое. – Я понял, в чем твоя проблема... – У меня нет проблем.

– ...ты отрицаешь то, что не понимаешь.

– А что еще с этим делать?

– Можно попытаться понять.

– Зачем?

Они сидели на полу темного коридора, построенного неизвестно кем и ведущим неизвестно куда. И спокойно беседовали на совершенно отвлеченную тему. И при этом никому из них ситуация не казалась необычной или хотя бы странной. Что само по себе было необычно и вдобавок еще странно.

По каменным стенам бегали лучи фонарей, выхватывая из темноты фрагменты необычной графики.

Орсон взял в руку фонарь и осветил на потолок:

– Нет даже следов копоты.

– А они должны быть?

– До изобретения Эдисона единственным источником света, помимо нашего дневного светила, был огонь. А пламя всегда оставляет копоту. – Орсон поводит лучом из стороны в сторону. – Здесь абсолютно темно, и при этом на потолке нет копоты. Как люди, строившие этот коридор, освещали его?

– Может быть, система зеркал? – предположил Брейгель.

– Нет, это ерунда, – уверенно отбросил такое объяснение Осипов. – Ни одна поверхность не обладает стопроцентной отражающей способностью. Плюс – неизбежное рассеивание света. После четырех-пяти передач отраженного луча мы получаем на очередном зеркале блеклое, едва различимое пятно.

– А что на это скажет наш скептик? – с вызовом посмотрел на Камохина биолог.

– О, да! – таинственным полусшепотом произнес стрелок и, чуть подавшись вперед, снизу подсветил лицо фонариком, из-за чего оно превратилось в демоническую маску. – Здесь, конечно, не обошлось без магии вуду!

– Все зависит от того, что понимать под словом «магия».

– Не думаю, что у этого слова есть много разных толкований.

– Я не о слове, а о самом процессе. В древности ученые – назовем их так – зачастую не понимали смысл собственных действий. Они использовали метод проб и ошибок, но при этом аккуратно документировали все свои манипуляции. И, если вдруг в результате получалось то, что и было задумано, или что-то другое, но тоже интересное, то для того, чтобы вновь получить тот же самый результат, ученый повторял всю первоначальную длинную цепочку действий, большинство этапов которой, скорее всего, были совершенно бессмысленными. Это и называлось магией. Ученый или, если угодно, маг, колдун, шаман, совершал так называемые ритуальные действия. Смысл их был никому непонятен, но результат – налицо. Больной выздоравливал, вино переставало бродить и киснуть, посевы избавлялись от паразитов, коровы вновь начинали давать молоко... В конце концов из этих манипуляций было вычленено действенное начало, и магия исчезла. А мы сами стали рациональны до мозга костей. Мы более не хотим верить в чудо. Мы хотим найти объяснение даже тому, чему объяснения не существует. Вот, например, Вик уверен, что сможет найти причину Сезона Катастроф.

– У меня уже имеется объяснение, – сказал Осипов. – Мне лишь не хватает фактов для того, чтобы подвести под существующую теорию точную научную базу.

– И некоторые факты упорно не желают укладываться в твою теорию, Вик. Такие, например, как это подземелье.

- Со временем и для них найдется место.
- То есть ты представляешь себе, как это работает, но пока не можешь всего объяснить?
- Примерно так.
- Так что же тогда есть твоя наука, если не современная магия? Магия, построенная на виртуозном владении математическим аппаратом, знании теории относительности и теории струн, умении пользоваться хитроумными приборами, механизм действия которых тебе не всегда понятен...
- Налей мне чаю, Крис.
- Ты уходишь от ответа?
- Можно и так сказать.

Глава 8

- Куда пойдем? – Камохин посветил сначала налево, потом – направо.
- А почему не прямо? – спросил Брейгель.
- Давайте кинем монетку, – предложил Орсон.
- У монеты только две стороны, а у нас три варианта, куда можно пойти.
- Монета может встать на ребро.
- Маловероятно.
- Зато как необычно!

Держа фонарь перед собой, Камохин заглянул в один из боковых проходов. Осипов заглянул в противоположный проход.

– Каменные плиты с какими-то иероглифами. Дальше снова рисунки.

– У меня то же самое. Ничего примечательного.

– Ты только послушай их, – Орсон локтем толкнул Брейгеля. – Мы находимся в древнем сооружении, о котором нет ни слова в книге «Загадочные и таинственные места планеты Земля». Значит, это самое таинственное и загадочное место из всех существующих. А они говорят – ничего примечательного! Мне даже любопытно, что могло бы возбудить их интерес?

– Давай заглянем чуть подальше, – предложил Осипов.

– Хорошо, – согласился Камохин. – Только не уходи очень далеко.

– Фотографируй все, что видишь. Каждую плиту. – Ладно.

– Ну? – выжидающе посмотрел на фламандца Орсон.

– Может быть, еще один паук? – предположил Брейгель.

Биолог почему-то сразу решил, что стрелок имеет в виду того паука, что бегал по пустыне и топтал «черных» квестеров, а потом нашел безвременную кончину в песчаной воронке.

– Не знаю, откуда появился этот восхитительный гигант, но только не из этого подземелья, – уверенно покачал головой Орсон. – Во-первых, животные непременно оставляют какие-то следы в местах своего обитания. А здесь мы не видим ни паутины, ни экскрементов. Во-вторых, чем бы он здесь питался? Такому здоровяку требуется много еды!

Вообще-то, Брейгель имел в виду еще одного нарисованного паука. Который на этот раз, для разнообразия, мог оказаться на потолке или на полу. Но он не стал объяснять это Орсону, решив, что каждый имеет право на собственное понимание данного вопроса.

Так оно даже лучше.

Первым из левого прохода появился Камохин:

– Ничего нового. Все то же самое, что и здесь. Но метров через тридцать еще два прохода уходят в разные стороны под прямым углом.

– То есть еще один коридор тянется параллельно нашему? – пальцем указал направление Орсон.

Камохин молча пожал плечами. В самом деле, откуда он знал, как и куда тянется обнаруженный им новый проход? А строить безосновательные догадки стрелок не привык.

Из другого прохода появился Осипов.

– Смотрите, что я нашел! – радостно возвестил ученый.

И продемонстрировал собравшимся пустую банку из-под томатного супа «Кэмпбелл».

– Очень любопытно, – Орсон взял банку, осмотрел ее со всех сторон, посветил внутрь фонариком.

– Выходит, кто-то уже побывал здесь до нас? – спросил Брейгель.

– Если даже так, то очень давно, – ответил Орсон. – На банке указан срок годности – апрель тысяча девятьсот четвертого года.

Биолог передал банку Камохину.

– Судя по разрезам, открывали банку широким ножом, – сказал стрелок.

– И тот, кто ел этот суп, скорее всего, никогда не выбрался из этого подземелья, – тихо и мрачно заметил Брейгель.

– Почему? – удивленно вскинул бровь Орсон.

– Будь иначе, Док, об этом лабиринте было бы написано в книге «Загадочные и таинственные места планеты Земля».

Все разом, не сговариваясь, посмотрели в ту сторону, где остался колодец. И каждый подумал, что у них еще есть шанс вернуться. В конце концов, какой интерес лазить по подземельям, где нет ничего, кроме пустых банок из-под супа «Кэмпбелл»?

– Ну... Быть может, у него имелись веские причины для того, чтобы скрыть свое открытие!.. Возможно, он еще собирался сюда вернуться!

– Точно, за спрятанными сокровищами!

– А почему бы и нет? У майя была куча сокровищ!

– Даже если мы их найдем, то не сможем вынести.

– Ну вот, придется возвращаться!

Все обратилось в шутку, и на душе сразу потеплело.

Камохин кинул банку в ту сторону, куда тянулся основной проход. Жестянка ударилась о каменную плиту пола, подпрыгнула, снова упала и с грохотом покатилась. И вдруг удары жестянки о камень сделались очень частыми и сильными. Камохин и Брейгель одновременно направили фонари во тьму. Банка с грохотом летала между двумя противоположными стенами туннеля, как теннисный мяч, выпущенный из пушки. С силой ударялась об одну стену, отлетала к противоположной и тут же летела обратно.

– Что за черт? – скорее растерянно, чем испуганно произнес Камохин.

– Ты разве не в курсе? – Орсон, пожалуй, единственный остался невозмутимо спокойным. – В древних подземельях частенько встречаются потайные ловушки. В особенности там, где спрятаны сокровища.

Грохот банки, эхом раскатывающийся в узком замкнутом пространстве становился нестерпимым. Казалось, это не банка прыгает сама собой, а какой-то дрянной раздавленный бубенчик бряцает в черепной коробке.

– Бамалама!

Брейгель сунул фонарь за пояс, двумя руками, как следует, перехватил автомат и одним точным выстрелом сбил консервную банку с траектории. Жестянка подскочила вверх, ударилась о потолок, упала на пол, подпрыгнула, жалобно звякнула и затихла.

– Ты убил ее, – зловещим полупшепотом произнес Орсон.

– Подумаешь, – Брейгель безразлично дернул плечом, поставил автомат на предохранитель и кинул за спину.

– Док! – не оборачиваясь, строго произнес Камохин. – Ты полагаешь, сейчас подходящее время для шуток?

– А почему нет? – удивленно вскинул брови Орсон.

– Мы чуть было не вляпались.

– Чуть было – не считается.

– Док-Вик, твое мнение?

– О чем?

– Что это могло быть?

– Ну, поскольку банка была жестяная, по всей видимости, это магнитная ловушка. Или гравитационная.

Второй вариант мне кажется маловероятным.

– Почему?

– Потому что с помощью современных технологий создать гравитационную ловушку таких размеров, – Осипов обвел пальцем периметр коридора, – невозможно.

– А магнитные ловушки индейцы, выходит, могли создать без проблем?

– Из двух возможных вариантов я выбрал наиболее, на мой взгляд, реальный... Хотя и он, конечно... – Док-Вик, ты прикалываешься?

– Почему? Если строители этого подземелья могли освещать коридор, не используя открытого огня, почему бы им не создать магнитную ловушку?

– Создать-то они, допустим, могли, вопрос только зачем? – под иным углом решил взглянуть на проблему Брейгель.

– Чтобы таким образом оставить без оружия тех, кто вторгся сюда без спроса, – предположил Орсон. – Или просто напугать.

– А не проще камень на голову скинуть?

– Камень можно сбросить только один раз. Потом его нужно снова поднимать.

– А электромагниты, насколько мне известно, нуждаются в постоянной подзарядке. Или есть природные магниты, способные вытворять такие штуки с банками? – Я про такие не слышал, – покачал головой Осипов.

– Все, идем назад, – подвел итог Камохин.

– Как это назад? – возмущенно вскинулся Орсон.

– Дальше мы не пойдем, – твердо заявил Камохин.

– Из-за пустой консервной банки?

– Не прикидывайся, Док.

– Но я действительно не понимаю! Почему мы должны идти назад?

Голос Орсона раскатывался по пустому коридору подобно божьему гласу – устрашающе и увещевающе одновременно.

– Из-за ловушки, Док, – повернулся к нему Камохин.

– Но это же магнитная ловушка! Она не опасна для людей! Ведь так, Вик? Она рассчитана лишь на то, чтобы вселить страх в суеверные души!

Осипов ничего не успел ответить.

– Даже если так, – опередил его Камохин, – там, где есть одна ловушка, могут оказаться и другие. Куда более опасные!

– Мы будем идти осторожно!

– Подберем консервную банку и станем кидать ее вперед, – не то в шутку, не то всерьез сказал Брейгель.

Но Камохин был не настроен шутить. Он вообще не собирался обсуждать эту тему.

– Мы не готовы к исследованию этого лабиринта, – заявил он непреклонно. – Мы возвращаемся к колодцу. И ждем там, когда закончится песчаная буря.

– Бред какой-то! – Орсон вскинул руки и сжал их в кулаки, как будто собирался кого-то ударить. – В конце концов, есть ведь два других прохода!

– Кто сказал, что они безопаснее этого?

– Нужно проверить! – Мы возвращаемся.

Камохин повесил автомат на плечо и зашагал к выходу. Ясно было, что продолжать разговор он не намерен.

– А ты что об этом думаешь? – упавшим голосом спросил Орсон у Брейгеля.

Фламандец извиняющеся улыбнулся:

– Игорь прав. Продолжать идти вперед, не зная, что нас там ждет, слишком опасно. Мне кажется, это не просто подземный ход.

– Конечно! – в отчаянии всплеснул руками Орсон. – Но ведь это как раз и интересно! Тебе что, совсем не хочется узнать, кто и зачем устроил здесь эту магнитную ловушку?

– Не сейчас, – быстро качнул головой фламандец и поспешил следом за Камохиным.

– Быть может, мы всего в одном шаге от величайшего открытия, – продолжил Орсон, обращаясь к последнему оставшемуся. – Ведь не просто так стоит здесь эта ловушка?.. А, Вик?.. За ней что-то есть!

Осипов улыбнулся, осторожно взял англичанина под локоток и, подсвечивая фонариком, повел его следом за остальными.

– В подобных местах случаются очень странные и неприятные вещи, – говорил он при этом тихим увещательным голосом. – Вот, например, пирамиды.

Ты же наверняка слышал про проклятие фараонов.

– Это все магия! – уверенно заявил Орсон. – Вуду! – Ну почему сразу магия?

– Я называю магией все, чему не могу найти объяснение.

– Раньше ты это так не называл.

– Не мог найти подходящего слова. Русский язык не так прост, как кажется.

– Ну а почему вуду?

– Во-первых, мне нравится слово, во-вторых, это самая сильная и зловещая магия из существующих по сей день, в-третьих... – Орсон ненадолго задумался. – Ты же видел кровь у колодца? В магии вуду постоянно используется кровь!

– Ацтеки кровью тоже не пренебрегали и даже практиковали человеческие жертвоприношения.

– Верно, – подумав, согласился Орсон. – Возможно, наемники использовали индейскую магию... И все же чертовски жаль, что мы возвращаемся! Вот просто так! С пустыми руками!

Биолог показал коллеге ладони, должно быть, чтобы тот смог убедиться, что у него действительно ничего нет.

Признаться, Осипову тоже было жаль, что исследование загадочного подземелья закончилось, едва успев начаться. Рисунки и надписи на стенах – это, конечно, жутко интересно, но, наверно, все они ожидали чего-то иного. Чего-то, что могло дать ответы хотя бы на часть из имеющихся у них вопросов. Но в то же время он был согласен с Камохиным – двигаться дальше по темным коридорам, зная, что их могут поджидать хитроумные ловушки, было бы слишком опасно. Оставалось надеяться на то, что узнав об этом удивительном открытии, Кирсанов решит незамедлительно отправить в Шамо новую, хорошо оснащенную группу. Естественно, в том же самом составе. И к тому времени Зона 41 все еще будет существовать. И загадочный колодец никуда не исчезнет... Конечно, слишком много неопределенностей, но иначе нельзя. Это лучше, чем лезть на рожон.

Внезапно шедшие чуть впереди стрелки остановились. Свет их фонарей с пола переместился на стену.

– Что они еще там нашли? – с показным недовольством буркнул Орсон. – Еще одну банку из-под супа?

Или пакет чипсов?

– Эй, кто-нибудь помнит, что тут было нарисовано? – громко крикнул Камохин.

– Мы не в лесу, а в подземелье, – язвительно ответил ему англичанин. – Поэтому не фигу так орать!

Ученые подошли к стрелкам.

На каменной плите, освещенной теперь уже четырьмя фонарями, был вырезан крокодил, свернувшийся кольцом и пытающийся укунить свой собственный хвост. Рисунок был выполнен все в том же псевдоиндейском стиле, как и те, что они видели прежде.

Орсон достал из кармана фотоаппарат и запечатлел рисунок.

– Так был тут этот крокодил или нет? – еще раз спросил Камохин.

И похоже было, что стрелок нервничает.

– Я такого рисунка не помню, – ответил Орсон, убирая фотоаппарат.

– Я тоже его не видел, – подтвердил Осипов.

– Ясно, – произнес многозначительно Камохин.

И посмотрел на ученых так, будто если и не был уверен, то небезосновательно подозревал, что это они приложили руки к появлению рисунка, которого не должно быть.

– А в Южной Америке крокодилы, вообще-то, водятся? – спросил вдруг Брейгель.

– Оринокские крокодилы одни из самых крупных, – ответил Орсон. – А вплоть до миоцена там встречались и сухопутные крокодилы – мезозухии.

– Это когда уже появились люди?

– Нет, чуть раньше. Люди не могли их видеть.

– Но я сейчас вижу крокодила, – голосом с угрожающе повышающимися тональностями, произнес Камохин. – Которого, как все мы помним, здесь не было!

– Ну, и что? – усмехнулся Орсон. – Тогда – не было, сейчас – появился. Подумаешь, делов-то!

– Откуда он здесь появился?

– Плита могла повернуться.

Камохин прикусил губу. Почему-то столь простое объяснение самому ему в голову не пришло. Он сунул фонарь за пояс, подошел к стене и попытался надавить на край плиты. Плита даже не шелохнулась. Камохин попытался надавить на другой ее край – с тем же результатом. Тогда он попробовал подцепить край плиты пальцами, но даже ноготь не смог просунуть в щель.

– Черт! – Камохин со злости саданул по плите кулаком и тут же взвыл от боли в разбитых костяшках. – Как она могла повернуться? С чего вдруг?

– Это магия, – с невозмутимым спокойствием ответил Орсон. – Обычная индейская магия на крови.

– Плиты могли повернуться, когда сработала магнитная ловушка, – дал более рациональное объяснение случившемуся Осипов. И тут же, не дожидаясь новых вопросов, добавил: – Зачем это было нужно, я не знаю.

Брейгель осветил на пол у основания плиты.

– Если бы плита повернулась, в пыли остались бы следы.

Фламандец был прав. На слое пыли и мелкого песка, лежавшем на полу возле стены, видны были только следы камохинских ботинок.

Осипов осветил фонарем на соседнюю плиту. На ней три равнобедренных треугольника были вписанных друг в друга, как матрешки.

– Такого рисунка тоже прежде не было, – сказал Осипов. – Но я точно видел его на доске пакалей у Кирсанова.

– Позволь, я сфотографирую, – отодвинул его в сторону Орсон.

– И этого тоже не было.

По другую сторону от крокодила на плите был изображен петух.

– Идем к выходу! – решительно скомандовал Камохин. – Не нравится мне эта чертовщина!

– Только будь осторожен! – предостерег его Орсон.

– В каком смысле? – буркнул Камохин.

– Ловушки, – напомнил ученый.

– Какие еще ловушки? Мы здесь уже проходили!

– Ты уверен, что именно здесь?

– А где же еще?

– Не знаю. Но там, где мы проходили, на стенах не было ни крокодилов, ни треугольников, ни петухов.

Камохин как будто заколебался. Но лишь ненадолго.

– Идем! – снова скомандовал он и быстро зашагал вперед.

– Похоже, он уверен, что мы движемся в нужном направлении, – сказал, обращаясь к Осипову, англичанин.

– А ты нет?

– Если бы мы двигались к выходу, то уже должны были увидеть свет, проникающий через колодец, – совершенно спокойно заметил Орсон. – Разве не так?

– Песчаная буря усилилась, – ответил Камохин. – Из-за этого и стемнело.

– Ну да, конечно, – на ходу кивнул Орсон.

Хотя по всему был ясно, что он не согласен с выводом стрелка. Категорически не согласен. Похоже даже было, что англичанин о чем-то догадывался. Но пока предпочитал помалкивать, напустив на себя таинственный вид.

Глава 9

Какое-то время они шли молча. Стрелки – впереди, ученые – в двух шагах позади них. Осипов наблюдал за светом фонарей, что держали в руках стрелки. Лучи то и дело метались от центра прохода к краям. Но, едва коснувшись стен, тут же будто соскальзывали вниз.

– Их так и тянет взглянуть на рисунки, – тихо произнес Орсон. – Но они боятся это сделать.

– Почему?

Осипов осветил на стену. В том месте, где они проходили, на плите было изображено чудное трехное существо с выпученными глазами, воронкой вместо рта и странной загогулиной на затылке.

– Секундочку! – Орсон поднял фотоаппарат и сделал снимок. – Все это нужно документировать. Иначе нам просто никто не поверит.

– Ты сказал, что ребята боятся смотреть на стены, – напомнил Осипов.

– Именно, – уверенно кивнул Орсон. – Они все еще тешат себя надеждой, что мы идем в нужную сторону и скоро дойдем до колодца, которого не видим только из-за застилающей свет песчаной бури. Рисунки на стенах, которых не должно там быть, мешают им сконцентрироваться на мысли, что все в порядке, что ничего необычного не произошло. Когда же они наконец поймут, что все совсем не так, как они себе представляют, это может стать для них шоком.

– А ты?

– Я не исключаю возможности того, что может произойти все, что угодно. Поэтому мне бояться нечего. – Что же, по-твоему, произошло?

– Понятия не имею. Это ты у нас специалист по теории хаоса и прочим космогоническим штучкам. Я этого не понимаю, да мне до этого и дела нет.

– При этом ты уверен, что мы сейчас идем не в сторону колодца?

– Если ты имеешь в виду колодец, через который мы сюда попали, то, разумеется, нет.

– Почему?

– Что – почему? Почему мы идем не в ту сторону?

– Почему ты в этом уверен?

– Ну, во-первых, если бы мы шли в правильном направлении, то уже давно дошли бы до цели.

– Значит, нам нужно повернуть назад?

– Не думаю, что это поможет. Мы же не настолько глупы, чтобы перепутать направление. Что-то произошло с самим этим местом. Оно изменилось, стало другим.

– Магия?

– Ну, если у тебя нет других идей, можно называть это так.

– И эти изменения произошли в тот момент, когда сработала магнитная ловушка?

– Не знаю. Может быть, раньше. Когда вы с Камохиным обследовали боковые проходы. Помнишь плиты, испещренные письменами возле самого входа? Возможно, это была инструкция, объясняющая, как пользоваться этим странным сооружением. А может быть, свод правил или предостережений. К сожалению, никто из нас не владеет языком майя. Вот и напоролись.

Шедшие впереди стрелки остановились.

– Уже пришли? – насмешливо поинтересовался Орсон.

– Колодца нет, – уныло констатировал Камохин факт, который и без того уже был очевиден.

– Не может быть! – с показным удивлением вскинул брови англичанин. – И что же нам теперь делать?

– Док, – оглянулся на него Камохин. – Юродствовать не надоело?

– В самом деле, – поддержал приятеля Брейгель, – момент неподходящий.

– Ну, извините, – развел руками Орсон. – Хотя вы сами виноваты – не слушали, когда я вам говорил.

– Про магию, что ли?

– И про магию тоже... Или у кого-то есть другое объяснение тому, что произошло?

– Может быть, для начала определимся с тем, что именно произошло?

Осипов сделал пару шагов вперед и посветил фонариком в ту сторону, куда они направлялись. Там был все такой же бесконечно длинный темный коридор. Возможно, где-то там имелись боковые ответвления, но в неясном рассеянном свете фонаря их было не разглядеть.

Осипов повернулся к остальным:

– Когда мы с Игорем вошли в боковые проходы, вы, – он указал фонарем на Орсона с Брейгелем, – оставались на месте?

– Конечно, – уверенно кивнул Брейгель.

– И за то время, что нас не было, ничего необычного не происходило?

– Абсолютно.

– Ни странных звуков, ни вспышек света?

– Нет.

– Внезапного головокружения или приступов тошноты у вас тоже, как я понимаю, не было?

– Нет. Я отлично себя чувствую.

– Я тоже, – кивнул Орсон.

– Вам не показалось, что время вдруг остановилось?

Или – странно замедлилось?

– К чему все эти вопросы, Док-Вик? – непонимающе пожал плечами Камохин. – Ты что, думаешь, мы могли заблудиться?

– Я думаю, произошло изменение пространственной структуры подземелья.

– То есть это тоже своего рода ловушка? – Брейгель решил уточнить, правильно ли он понял идею Осипова. – Мы наступили на какой-то камень, и коридоры этого подземного лабиринта поменялись местами? Тот, который вел к колодцу в пустыне, свернул куда-то в сторону, а его место занял другой проход, ведущий черт знает куда?

Брейгель без особого труда мог представить себе гигантский, похожий на безразмерную паутину, подземный лабиринт с множеством тянущихся в разные стороны переходов. Кто и зачем его построил – другой вопрос. Вообразить, каким образом и без того запутанная система подземных ходов вдруг начинает менять свою пространственную структуру, было несколько труднее. Вроде того, как садишься в поезд метро, идущий в одном направлении, а выходишь на совсем другой ветке. Как будто за то время, что ты ехал, кто-то соединил станции, находящиеся на разных концах карты, новым, прежде не существовавшим туннелем. Но все-таки это было похоже хоть на какое-то объяснение. Причем вполне научное. Ученые нередко используют понятия, совершенно неуместные и даже противоестественные с точки зрения здравого смысла. Так, например, Брейгель, как ни старался, не мог представить себе черную дыру – некую пространственную структуру, в которую все проваливается на веки вечные. А бозон Хиггса так и вовсе был для него чем-то запредельным. Едва он только слышал это название, как его охватывал священный трепет. И, в принципе, в такие минуты он готов был согласиться с Орсоном – в этом было что-то от магии.

– Не совсем так, – сказал Осипов.

И Брейгелю стало ясно, что сейчас он узнает о чем-то покруче, чем какой-то там бозон Хиггса. И, может быть, после он будет вспоминать о бозоне Хиггса с нежностью и тоской, как о потерянной мечте.

– Я думаю, все дело в многомерной планировке этого подземелья.

– То есть?..

– То есть мы сейчас уже не в третьем измерении.

– Ну, здорово!

Все! Прощай, бозон Хиггса!

– Это какая-то аллегория, Док-Вик?

– Нет. Мы сейчас действительно находимся в ином измерении. Пространственном, а может быть, и временном.

– Я полагал, что в другом измерении все должно выглядеть иначе.

– Как именно?

– Ну, какие-нибудь странные пространственные структуры, изломанные линии и углы... Психоделические разводы по стенам и шахматные клетки на полу... Уродливые карлики с огромными носами, в малиновых пиджаках с золотыми пуговицами... Ну, в общем, что-нибудь необычное.

– Это шаблоны масскульту. На самом деле другое измерение выглядит необычно только для стороннего наблюдателя. Для того же, кто сам в нем находится, там все нормально. Ну, разве что какие-то мелочи... – Например?

– Ну, если бы мы оказались во втором измерении, ты бы не смог перепрыгнуть через линию, нарисованную перед тобой на полу.

– Серьезно?

– Да.

Брейгель наклонился, провел пальцем линию в пыли, а затем легко через нее перепрыгнул.

– Мы не во втором измерении!

– В каком же тогда?

– Трудно сказать, что будет происходить с пространственной структурой в измерениях более высокого порядка, чем привычное нам третье... Возможно, там удастся увидеть, что находится за углом, не заглядывая за него. Или, стоя лицом к стене, увидеть то, что происходит у тебя за спиной.

Брейгель тут же сделал шаг к стене, чтобы проверить сделанные Осиповым предположения.

– Док-Вик, я так понимаю, это чисто умозрительные выводы? То есть ты говоришь о том, что в принципе могло бы быть?..

– Не совсем. – Осипов осветил фонариком на стену. – Должно быть, вы заметили, что рисунки сделаны не методом простой гравировки, а так называемого низкого рельефа. Здесь изображение выступает над плоским фоном примерно на половину объема. – На плите была изображена летучая мышь с перепончатыми крыльями, вскинувшая морду с подковообразным носом и яростно оскаленными зубами. Фоном для изображения летучей мыши служило звездное небо. Звезды представляли собой точки, а сумрак меж ними обозначали короткие параллельные горизонтальные росчерки. – Всем нам прекрасно известно, что можно создать модель или рисунок пространства с иной размерностью. Скажем, нарисованная на бумаге линия – это визуализация одномерного пространства. А внешняя поверхность обычного садового шланга – отличная модель двухмерного пространства. Но при этом на листе бумаги, являющемся, если пренебречь его толщиной, двухмерным, мы можем легко изобразить трехмерный куб. А затем, соединив его с еще одним кубом, сделать модель четырехмерной. И так, постоянно усложняя модель, можно продолжать наращивать новые измерения практически бесконечно. Теперь попрошу вас всех выключить фонари. – Когда просьба была исполнена, Осипов встал напротив стены, поднял зажатый в кулаке фонарь к правому плечу и направил его свет прямо на летучую мышь. – Сейчас мы видим плоскостное, двухмерное изображение летучей мыши, как будто она нарисована на бумаге. А теперь... – Осипов сделал шаг в сторону, и всем показалось, что

летучая мышь на рисунке взмахнула крыльями и злобно оскалилась. Черты ее тела приобрели объем, как будто внезапно ожившее существо вознамерилось вырваться из камня. – ...Изображение стало объемным, то есть трехмерным.

– Бамалама! – восхищенно выдохнул Брейгель.

– Да, впечатляет, – согласился Орсон.

Камохин промолчал. Ему было не по себе, поскольку он чувствовал: это пока еще далеко не все, что хотел показать им Осипов.

– Теперь смотрите, что будет дальше! – Ученый чуть приподнял фонарь и немного изменил угол, под которым свет падал на стену.

И тотчас летучая мышь превратилась в некое совершенно неузнаваемого монстра. Это было уже не животное, а комок мышц, с иглами, вонзенными в него под разными углами. Зрелище было настолько омерзительным, что какое-то время никто не мог даже слова сказать. Те странные чувства, что вызывало небывалое зрелище, невозможно было выразить обычными, привычными, всем хорошо известными словами. Для этого нужен был совершенно иной язык. А может быть, и другой алфавит.

Первым пришел в себя Орсон.

– Я должен это запечатлеть, – сказал биолог, доставая фотоаппарат.

– Не думаю, что из этого что-то выйдет, – с сомнением возразил Осипов. – На плоском изображении, скорее всего, получится обычная летучая мышь.

– Я попробую.

Орсон встал напротив освещенной плиты, поднял фотоаппарат, поймал изображение в кадр и нажал кнопку затвора.

– Ну как?

Орсон посмотрел на дисплей фотоаппарата:

– Как ты и говорил. Обычная летучая мышь.

Осипов улыбнулся и опустил фонарь ниже плеча. Изображение на стене вновь претерпело удивительное изменение. Теперь это был набор изломанных линий и пересекающихся плоскостей, напоминающих одну из поздних картин Брака. Ученый снова изменил угол падения света на стену. И на плите будто закрутились причудливо свитые спирали и зазмеились меж ними плавно изгибающиеся линии. Если присмотреться, можно было заметить, что все линии были не плоскими, а имели множество поверхностей, при взгляде на каждую из которых кривизна линии становилась другой.

– Ты так представлял себе иные измерения? – спросил Осипов у стрелка.

– Что-то в этом духе, – кивнул фламандец. – Как много разных измерений спрятано в этом рисунке?

– Я думаю, продолжать искать их можно до бесконечности.

Осипов вновь немного изменил положение фонаря, и картина на стене будто ошетижилась длинными зазубренными трехгранными пирамидами, направленными на зрителей.

– Отлично. – Камохин включил свой фонарь. И в свете двух пересекающихся лучей рисунок на стене вновь стал обычной летучей мышью. – Вопрос первый, Док-Вик: это что, какой-то аттракцион? Что-то вроде комнаты с кривыми зеркалами?

– Полагаю, что нет, – ответил Осипов, несколько удивленный такой постановкой вопроса.

– Тогда какой в этом смысл? – Луч фонаря Камохина мазнул по стене. – Зачем нужно было создавать эти многомерные изображения? Я ведь правильно понял, здесь все картинки такие?

– Думаю, что так, – коротко кивнул Осипов. – А смысл очень простой и, я бы сказал, правильный. Благодаря сей удивительной технике, в каком бы измерении мы ни находились, мы можем увидеть на стене именно тот образ, который запечатлел художник, а не абстрактную картинку и не бессмысленный набор символов.

– То есть, глядя на рисунок, мы не можем определить, в каком измерении мы сейчас находимся?

– Не можем.

– Ясно, – кивнул Камохин. – Теперь второй вопрос: как нам выбраться из этого многомерья?

– Понятия не имею, – покачал головой Осипов.

– Хорошо, – улыбнулся Камохин с таким видом, как будто услышал именно то, что хотел. – Давайте поставим вопрос иначе: почему исчез колодец, через который мы сюда попали?.. Я готов выслушать любые, даже самые безумные предположения.

– Мы не сказали: «Сезам, откройся!» – первым нашел что ответить Орсон.

– Не настолько безумные, Док, – осадил его Камохин.

– А что, если сказка об Али-Бабе это и не сказка вовсе?

– Все равно нам это не поможет... Док-Вик, ты у нас специалист по другим измерениям. Тебе и карты в руки.

– Ну, поскольку наемники не сразу направились к колодцу, а сначала забрали пакаль, я бы предположил, что пакаль был необходим для того, чтобы открыть колодец. Или чтобы найти путь в лабиринте, который должен был привести их в нужное место.

– Пакаль у нас есть, – биолог достал из сумки металлическую пластину. – А еще – камень с пауком, – он достал черный камень Ики. – Он, наверное, тоже для чего-то нужен. Не зря же «эксперт» прихватил его с собой, когда убежал из лагеря. Теперь все это твое, – он передал камень и пакаль Осипову.

– И что мне с этим делать? – Осипов непонимающе посмотрел на предметы у себя в руках.

– «Серые» используют пакали для того, чтобы изменять пространственно-временную структуру, – сказал Камохин.

– Да, вот только нам они не объяснили, как им это удастся.

– Для того чтобы свернуть пространство или остановить время, «серые» используют два, а то и три пакала, сложенные вместе определенным образом, – сказал Осипов. – Я видел, как они это делают.

– Я тоже видел, – кивнул Орсон. – На болоте, когда получил несколько дополнительных ходов и оказался на сутки впереди вас.

– Может быть, камень можно использовать как пакаль? – предположил Камохин.

– Постойте, – опустил руки Осипов. – Даже если это сработает, мы уверены, что хотим это сделать?

– А почему нет? – пожал плечами Орсон.

– Мы ведь даже не знаем, чего ради затеяли все это «черные» квестеры. Куда они хотели попасть?..

– И откуда взялся гигантский паук, – добавил Брейгель.

– Нам все равно нужно как-то отсюда выбраться, – сказал Камохин.

– Можно просто пойти дальше по коридору, – указал фонарем вперед Осипов.

– Или вернуться назад, – указал в другую сторону Орсон. – Как я понимаю, в данной ситуации это почти одно и то же.

– И куда мы придем? – спросил Камохин.

– Глупый вопрос, – насмешливо хмыкнул Орсон. – Но уж точно не в Канзас.

– Вообще-то, в таких подземельях, как правило, бывают потайные ходы, скрытые двери, спрятанные замки и разные щели и гнезда, куда нужно вставлять имеющиеся у тебя предметы, – сказал Брейгель. – Может, есть смысл поискать?

– Не забывай про ловушки, – напомнил Орсон. – Их искать не надо – они сами нас найдут.

– Наверное, гигантский паук был одной из таких ловушек! – радостно щелкнул пальцами фламандец. – Он был гигантским роботом!

– Я думал, мы уже закрыли эту тему, – недовольно скривился Орсон. – В любом случае, надеюсь, что создатели подземелья не повторяли одно и то же техническое решение несколько раз.

– Вот уж не думал, что ты боишься пауков, Док!

– Я ненавижу гигантских роботов. С тех самых пор, как племянник затащил меня на фильм «Трансформеры».

– Док-Вик, нужно что-то делать! – снова обратился к ученому Камохин. – Мы не можем оставаться здесь вечно.

– Ну, ладно. – Осипов жестом попросил Брейгеля отойти немного в сторону, и вышел на середину прохода. – Только, ежели что не так...

– У тебя все получится! – Фламандец ободряюще улыбнулся и показал большой палец.

– Ладно, – обреченно вздохнул Осипов.

Присев на корточки, он положил перед собой пакаль выпуклой стороной вверх. И осторожно, чтобы не скатился, возложил на него округлый камень. Придерживая камень двумя пальцами, немного повернул его, чтобы изображения двух пауков совпали, и убрал руку.

Все затаили дыхание.

Никто не знал, что, собственно, должно было произойти, но все ждали чего-то необычного.

Но не произошло ровным счетом ничего.

– Ну? – тихо произнес спустя какое-то время Камохин.

– Либо ничего не произошло, либо... – Осипов в нерешительности постучал пальцами по коленке. – В конце концов, все могло случиться без спецэффектов. – Может быть, перевернуть камень картинкой вверх? – предложил Осипов.

– Давай попробуем, – без особого энтузиазма согласился Осипов.

Он почти не верил в то, что черный камень и пакаль могут помочь им найти выход из подземелья. Но лишь только он разжал пальцы, камень с изображением паука начал медленно поворачиваться вокруг своей вертикальной оси.

– Вот оно! – зачарованно прошептал Орсон. – Я же говорил, что сработает!

Никто не помнил, чтобы англичанин это говорил, но спорить никто не стал.

Камень вращался все быстрее и вскоре уже крутился, как волчок, так что изображения паука слилось в единое белесое пятно. Казалось, вот-вот, и камень взлетит, с силой ударится о потолок и рассыплется в мелкую крошку. Но вместо этого он вдруг остановился. Замер на месте, как будто его схватила невидимая рука.

Вид у Осипова был растерянный. Он ничего не понимал. Как и все остальные. Вроде бы что-то произошло, но при этом ничего не изменилось. И что теперь делать?

Еще на третьем курсе медицинского, слушая курс психологии, Орсон уяснил и навсегда запомнил одну простую вещь: в группе должен быть лидер. Пусть даже неформальный, никем не назначенный и даже непризнанный. Но он обязательно должен быть. И если все пребывают в растерянности и не понимают, что нужно предпринять, лидер должен сделать дерзкий жест и нахально заявить: «Я знаю!» Даже несмотря на то, что он находится в том же положении, что и все. То есть ни черта не понимает. Руководствуясь сим мудрым правилом, англичанин подошел к конструкции, составленной Осиповым из пакаля и черного камня Ики, посветил на нее сверху фонарем, многозначительно кивнул и пальцем указал направление:

– Там!

Орсон рассчитывал хотя бы на несколько слов искренней благодарности. Он ведь, как-никак, сумел найти выход из тупиковой ситуации. Сейчас он и сам в это верил. Ну, или почти верил. Во всяком случае, ему очень хотелось в это верить. А почему бы и нет? Но, вопреки его ожиданиям, никто не произнес ни слова.

– Ну что, мы так и будем стоять? – непонимающе развел руками Орсон. – Я же сказал – там!

– Что – там? – переспросил Камохин.

Он сделал это крайне осторожно, потому что предполагал, что только он один не понимает, что имеет в виду Док. Поэтому постарался, чтобы его вопрос прозвучал не совсем как вопрос, а скорее как приглашение к обсуждению данного вопроса.

«Что – там?» – звучит вполне нейтрально.

Ведь так?

– Там выход, – уверенно заявил Орсон.

Камохин и Брейгель разом посмотрели на Осипова. Который как раз-то и должен был заниматься поисками выхода. Осипов молча непонимающе пожал плечами.

– Откуда такая уверенность, Док? – спросил Камохин.

– Откуда? – насмешливо прищурился Орсон. – Имеющий уши – да услышит!

Пауза.

Все обдумывают услышанное.

– Это ты к чему? – спросил Брейгель.

– В смысле, имеющий глаза – да увидит, – внес необходимый корректив Орсон. А еще на всякий случай от себя добавил: – А имеющий разум – да поймет! – И направил указующий перст на камень Ики: – Посмотрите, куда указывают лапы паука!

Нарисованный на камне паук, действительно, как будто собирался бежать в ту же сторону, куда предлагал отправиться Орсон.

– Ну как, убедительно?

– Вообще-то, не очень, – честно признался Брейгель. – Мне бы больше понравилось, если бы ты нашел какую-нибудь ячейку или гнездо, куда нужно сунуть этот камень, чтобы открылся потайной ход.

– Потайной ход может завести неизвестно куда.

– Мы и так неизвестно где.

– Вы не верите пакалю и таинственному черному камню Ики? – Орсон задал этот вопрос так, что ни у кого не могло остаться сомнений в том, что сам он давно является адептом древних культов, основанных непосредственными участниками палеоконтактов, и не пропускает ни одни посиделки конспирологов, как в Старом, так и в Новом Свете. – Вы не доверяете Пауку? – Слово «Паук» он произнес с прописной буквы, так, словно это было имя собственное и очень высокое духовное звание одновременно.

– Я думаю, что эксперимент следует повторить, – сказал Брейгель. – На всякий случай.

– Ни в коем случае! – Орсон схватил камень и пакаль и сунул их в сумку. – Даже карты Таро говорят правду только в первый раз!

Довод насчет карт был не очень-то веский. Однако всем давно уже осточертело стоять на месте, все давно уже хотели куда-нибудь пойти, чтобы начать наконец поиски выхода из этой странной, глупой, бессмысленной и одновременно безвыходной ситуации. Ну а поскольку других, более убедительных идей ни у кого не было, все решили согласиться с тем, что предлагал Орсон. Да и выбор у них, надо сказать, был невелик. Либо вперед, за Орсоном, либо назад, в магнитную ловушку.

– А как насчет ловушек, Док? – поинтересовался Камохин.

– Верно! – Орсон, уже собравшийся было идти вперед, сделал шаг назад. – У кого-нибудь есть что-нибудь ненужное?

Как и следовало ожидать, хлама, с которым не жалко было бы расстаться, никто с собой не таскал. Тогда биолог сам полез в сумку и отыскал-таки в ней шоколадный батончик. Который и продемонстрировал с гордостью остальным.

– Я иду на жертву ради нас! – пафосно возвестил он.

И, размахнувшись как следует, зашвырнул батончик как можно дальше.

Четыре скрещенных луча света отследили траекторию полета шоколадного батончика.

– Ну вот! – радостно возвестил Орсон, когда батончик упал. – Путь свободен.

– Магнитная ловушка на шоколад не реагирует, – сказал Осипов.

– А на полу могут находиться ловушки, реагирующие на нажатие, – добавил Брейгель.

– Отлично! Ты, – англичанин указал на Брейгеля, – внимательно смотри под ноги, чтобы не пропустить нажимную ловушку. А ты, – указал он на Осипова, – дай мне свои часы.

– Зачем?

– Я проверю, нет ли впереди магнитной ловушки!

– Не дам! – Осипов спрятал руку с часами за спину.

– Ну, а раз так, то и не обессудь! – сказал Орсон. – Для нашей безопасности я сделал все, что мог. Вперед!

– Док! – поднял руку Камохин. – А мне что делать?

– Тебе? – С одной стороны, дел вроде как больше никаких не осталось, с другой стороны, если человек сам об этом спрашивает, значит, нужно его чем-то занять. – Зажигалка есть?

– У меня настоящая «Зиппо»...

– Не бойся, я не стану ее кидать, – успокоил стрелка Орсон. – Зажги огонь и время от времени подноси его к стыкам между плитами. Если почувствуешь сквозняк, дай знать. Там может находиться потайной ход.

– А я буду прикрывать тыл, – сам нашел себе занятие Осипов.

– Отлично, – одобрительно кивнул биолог.

Англичанин окинул придирчивым взглядом команду квестеров и пришел к выводу, что все они молодцы. Включая его самого, разумеется.

– Ребята! Я уверен, что нам по силам найти выход из этого подземелья! – уверенно заявил Орсон. – Черт возьми, это не самая дурацкая ситуация из тех, в которых мы оказывались!

– Точно, Док! – согласно кивнул Брейгель.

– Вперед!

Орсон, как платок, накинул на плечи шемаг, поправил ремень автомата и решительно зашагал вперед. Ему впервые довелось возглавить группу. И, надо сказать, ему это было по душе.

Да какое там! Черт возьми, это было здорово!

Глава 10

Орсон подобрал шоколадку, с тоской посмотрел на помятую, потерявшую форму упаковку, грустно вздохнул и снова кинул батончик вперед.

Они уже около часа шли по темному прямому коридору. Вполне возможно, что проход был не таким уж и прямым, как казался. Не исключено, что он плавно изгибался, закладывал петли и совершал еще какие-то виражи. Но резких поворотов он не делал – это точно. Поэтому из-за темноты и однообразия квестерам казалось, что они все время движутся по прямой. Стены были украшены все теми же плитами со странными многомерными рисунками. Временами плиты с рисунками перемежались пространными выдержками из каких-то текстов, написанными на языке майя. Камохин, как велел ему Орсон, время от времени останавливался, щелкал зажигалкой и, прикрыв огонек ладонью, подносил его к стыку плит. Но язычок пламени так ни разу и не затрепетал. Англичанин исправно кидал вперед шоколадный батончик. Но им так и не попалась на пути ни одна достойная внимания ловушка. Недостойных, похоже, тоже не было. Во всяком случае, квестеры совершенно беспрепятственно продолжали свой путь в никуда.

Орсон в очередной раз поднял с каменного пола то, что некогда называлось шоколадным батончиком.

– Становится скучно, – ворчливо произнес англичанин, только чтобы приободрить остальных.

Но тоска и уныние уже всерьез овладели квестерами. И взбодрить их теперь было не так-то просто. Для этого мог бы согдиться, ну, скажем, гигантский паук. Да только где ж его взять-то? «Серые» тоже могли бы разнообразить ситуацию. Но к этому квесту они, похоже, не проявляли ни малейшего интереса. А может быть, заранее знали, что лезть в подземелье не стоит? И, как нередко случалось, ни во что не вмешиваясь, наблюдали за происходящим со стороны?.. Если так, то это было форменное свинство.

– Док, сколько раз ты уже кинул шоколадку? – спросил Брейгель.

– Не знаю, – пожал плечами Орсон. – Я не считал... А что?

– Мы могли бы измерить наш путь в полетах шоколадного батончика.

– Полагаешь, это смешно? – вяло поинтересовался Орсон.

– Не знаю, – честно признался Брейгель. – Мне просто все это уже чертовски надоело.

– Не тебе одному, – буркнул Камохин.

– У вас есть какие-то предложения? – взмахнул зажатой в руке шоколадкой биолог.

– У меня есть килограмм пластила, – ответил Камохин.

– И что?

– Можно попытаться взорвать стену.

– Плохая идея! – решительно заявил Осипов.

– Других-то все равно нет.

– Из-за стен не тянет сквозняком. Значит, там нет прохода.

– Тогда – взорвем потолок.

– Зачем?

– Песок осыплется, и мы сможем вылезти наверх.

– А что, если там не песок?

– А что, если мы ходим по кругу? – по-новому решил взглянуть на ситуацию Брейгель.

Осипов посветил на стену:

– Изображения на плитах все время разные.

– Верно, – поддержал его Орсон. – Я их все фотографирую!

– А как насчет ленты Мебиуса, Док-Вик?

– У ленты Мебиуса только две поверхности, пройдя по которым, ты все равно окажешься в точке старта.

– Но это в трехмерном пространстве. Мы же неизвестно в каком. Так, может быть, здесь и поверхностей у ленты Мебиуса больше, чем две?

– Вполне возможно, – подумав, кивнул Осипов. – Но это не имеет никакого смысла, поскольку мы все равно не сможем узнать, так это или нет.

– Зато будем постоянно бродить по замкнутой на самой себе ленте.

– Слушайте, кончайте! – взмолился Орсон. – Надоело, честное слово! Если мы узнаем, в каком измерении и на какой плоскости мы находимся, это поможет нам найти выход? Нет! Значит, нам остается только идти вперед!

Док размахнулся, запустил в темноту размякший в кулаке батончик и, не дожидаясь, когда он упадет, сделал шаг.

Тут-то и произошло то, чего никто не ожидал!

Батончик, взлетевший по пологой дуге почти к самому потолку и уже начавший снижаться, внезапно дернулся в сторону и выскользнул из сопровождавшего его луча света.

Орсон не сразу понял, что произошло. А когда наконец понял, принялся шарить лучом по сторонам. Потому что понял он только то, что батончик куда-то исчез, изменив траекторию полета вопреки законам физики. Одновременно англичанин дернулся вперед, чтобы быстрее добраться до места, где произошло необычное явление. Но тут уж Камохин поймал его за руку:

– Спокойно, Док!

– Ты видел? – вытянул руку с зажатым в ней фонарем Орсон.

– Видел.

– Ну так идем!

– Нет.

– Кончай! – дернул плечом Орсон.

– Послушай меня, Док! – крепче сжал его руку Камохин. – Это именно то, что мы ждали.

– Или не ждали, – вставил Брейгель.

– Это ловушка. – Проявив настойчивость, Камохин заставил-таки Орсона сделать два шага назад. – Теперь мы с Яном займемся делом.

– Можно подумать, вы что-то в этом понимаете! – хмыкнул биолог.

Камохин недовольно приподнял бровь.

– Ловушки в древних подземельях, это не то, с чем вы привыкли иметь дело, – обосновал свое заявление Орсон. – Это вам не килограмм пластита!

Осипов меж тем пошарил лучом фонаря во тьме и отыскал злосчастный батончик, прилипший к стене примерно на высоте плеча.

– Это была гравитационная волна! – уверенно заявил Орсон.

– Не угадал, Док, – опустил бинокль Брейгель. – Батончик прищиплен к стене дротиком.

– Чем? – недоверчиво посмотрел на фламандца Орсон.

– Такая небольшая стрела без оперения. – Брейгель руками обозначил приблизительную длину дротика. – Думаю, нам чертовски повезло. Если бы дротик не среагировал на батончик, он мог бы прищипить к стене кого-то из нас.

– И я даже знаю, кого именно, – резко помрачнел биолог.

Тут и гадать нечего – он шел первым.

– Действуем осторожно, Ян, – сказал Камохин. – Этот дротик может оказаться не единственным.

Квестер стянул с шеи шемаг, сложил его вдвое и смотал в жгут. Взяв платок за край, он взмахнул им перед собой, так, что другой конец платка скользнул от пола до потолка. Ничего не произошло. Камохин сделал небольшой шаг вперед и повторил то же самое.

– Странно, – обхватил пальцами подбородок Орсон. – Если я правильно представляю себе механизм работы ловушки со стрелами, то в ней должен быть какой-то спусковой механизм. Так ведь, Вик?

– Конечно – согласился Осипов.

– Механизм, срабатывающий на движение. Что это может быть?

– В современной ловушке это были бы, скорее всего, фотоэлементы.

– Но у майя фотоэлементов не было. Что оставалось им?

– Какие-то механические устройства. Нити, которые нужно зацепить, или подвижные плитки пола, соединенные системой рычагов со спусковым механизмом.

– Как же тогда эта система среагировала на летящий батончик?

– Игорь, стой!

Камохин замер на месте. С платком, зажатым в руке и вскинутым вверх, будто флаг. Сделав вдох, он медленно обернулся:

– Что?

– Это не обычная ловушка!

Одними губами Камохин изобразил улыбку:

– Какие ловушки ты называешь обычными, Док-Вик?

– Те, которые можно обойти! – первым ответил Орсон.

– Ловушки, принцип работы которых можно понять! – тут же добавил Осипов.

– А с этой что не так? – Брейгель осветил на припиленный к стене шоколадный батончик.

– Откуда взялся дротик? – спросил Осипов.

– Вылетел из стены, – Брейгель перевел луч света на противоположную стену. Со стены на него сначала оскалилась страшная безглазая маска с отвисшими мочками ушей и неестественно вытянутым подбородком. Затем, когда фламандец изменил положение фонаря, маска превратилась в нечто, отдаленно напоминающее кукурузный початок, из которого в разные стороны торчали дикобразные иглы. – Ну, в смысле, из какого-то потайного отверстия!

Фонарь в руке квестера снова дернулся, и изображение на стене преобразилось в бесформенную геометрическую конструкцию из нескольких шаров и плоскостей.

Камохин размотал платок и расправил его, дернув за концы.

– Подожди, Игорь! – вскинул свободную руку Осипов. – Я, кажется, понял, в чем тут дело... – Осипов запнулся. Самому ему картина происходящего была ясна, но он опасался, что убедить остальных в этом будет не просто. – В общем, это – временная ловушка!

Дротик вылетел не из стены, а из другого времени!

Камохин ничего на это не сказал. Но вполне выразительно поджал губы. Здоровый скепсис – налицо!

– Док-Вик, по-моему, это уже перебор, – произнес негромко Брейгель.

– Ты же военный, Ян! – повернулся к фламандцу Осипов.

– Ну, вроде того, – улыбнулся стрелок.

– Ты можешь себе представить автоматический спусковой механизм, способный сработать так быстро и четко, чтобы выпущенный с его помощью дротик попал в летящий шоколадный батончик?

– Ну, вообще-то... – Брейгель озадаченно почесал заросшую щетиной щеку.

– А твой вариант, Док-Вик? – спросил Камохин.

– Дротик метнул опытный воин из другого времени. Если в этом подземелье одновременно, наслаиваясь друг на друга, присутствует множество различных пространственных измерений, то и со временем может происходить то же самое. То есть это вовсе и не ловушка даже, а пространственно-временная флуктуация. В которой прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно.

– А та, что консервную банку расплющила? – кивнул в ту сторону, откуда они пришли, Брейгель. – Тоже флуктуация?

– По всей видимости.

– И что нам теперь делать? – спросил Камохин.

– Проявлять максимальную осторожность, – глубокомысленно изрек Орсон.

Камохин посмотрел на Осипова.

– Ну, в общем, Крис прав, – кивнул ученый.

Ничего другого ему просто в голову не приходило.

– Хорошо, – сказал Камохин.

Осипову совершенно не понравилось, как прозвучал его голос – ровно и умиротворенно, как будто стрелок разговаривал с душевнобольными, совершенно не контролирующими себя и в любую секунду, по малейшему поводу и вовсе без такового, готовыми сорваться в буйство.

– Я буду очень, очень осторожен.

Камохин быстро глянул на Брейгеля, сделал ему какой-то знак рукой и повесил шемаг на плечо. Вытащив из-за пояса фонарь, он осветил сначала на прищпиленную дротиком к стене шоколадку, затем – на противоположную стену. Провел световую линию от одной стены к другой. Все было как и прежде. Ничего не изменилось. Квестер сдернул шемаг с плеча, взмахнул им перед собой и сделал шаг вперед.

– Игорь...

– Док-Вик! – не оборачиваясь, стрелок поднял руку с зажатым в ней платком. – Мы не можем оставаться на месте!

– Можно попытаться свести риск к минимуму, – уверенно заявил Орсон.

– Как?

– Пока не знаю.

– Вот когда придумаете, тогда и скажете.

Камохин снова взмахнул шемагом.

Сделал шаг.

И исчез.

Глава 11

Брейгель схватился за автомат. Рука с фонарем – под ствол. Провел стволом и лучом света из стороны в сторону.

Ничего.

Ничего и никого.

– Док-Вик!

– Я все еще здесь, – с ледяным спокойствием ответил Осипов.

– А Игорь?

– Это пространственно-временная ловушка!

– То есть он все еще здесь?

– Он черт знает где!

– Бамалама!..

Брейгель сорвался с места.

– Ян! – кинулся за ним Осипов.

– Стоять! – вскинув руки над головой, рявкнул Орсон. – Всем оставаться на своих местах!

И, как ни странно, его послушались.

– Бамалама, – едва слышно выдохнул Брейгель.

Вытерев концом шемага лоб и щеки, фламандец кинул бесполезный автомат за спину. Перехватив фонарь правой рукой, он направил его вглубь прохода и принялся водить лучом из стороны в сторону.

– Что ты там ищешь? – устало спросил Орсон.

– Не знаю, – зло огрызнулся Брейгель.

– Ты чего рычишь? – удивился англичанин.

– Не в настроении, – ответил фламандец. – Док-Вик! Ну скажи же что-нибудь!

– Что я должен сказать? – беспомощно развел руками Осипов.

– Ну ты же специалист по этим пространственно-временным закавыкам.

– Я специалист в теории хаоса.

– А это что? – Орсон указал лучом света на то место, где исчез Камохин. – Не хаос, что ли?

– Может быть, и хаос, но не тот.

– Ах вот оно как. Выходит, и хаос бывает разный.

– А что, если нам всем пойти туда? – спросил Брейгель.

– Куда?

– Туда, где Камохин! Тогда мы снова окажемся вместе!

– Если бы все было так просто, то Игорь сам уже вернулся бы назад.

– Логично, – кивнул Орсон.

– Выходит, мы ни вперед, ни назад? И там, и здесь – ловушки?

– Но так не может быть! Должна быть какая-то система передвижения по этому подземелью!

Осипов снял с плеча сумку, кинул ее на пол, присел на корточки и принялся все из нее выгребать. При этом он что-то бормотал себе под нос.

Орсон и Брейгель непонимающе переглянулись. Фламандец пожал плечами. Англичанин глубокомысленно закатил глаза. В смысле – ученый за работой, лучше ему не мешать.

Наконец Осипов нашел то, что ему было нужно. В руке у него лежал дескан. Осипов включил прибор, и сразу же раздалось негромкое попискивание.

– Я так и знал, – глядя на дисплей, тихо произнес Осипов. – Здесь должен быть пакаль.

– Естественно, – Орсон достал пакаль из кармана и помахал им. – Вот он.

Осипов улыбнулся, поднялся на ноги и повернул дескан так, чтобы и остальные увидели дисплей с двумя красными точками.

Двумя, а не одной!

– Bloody hell... – едва слышно произнес Орсон.

– Час от часу не лучше, – сказал, вторя ему, Брейгель.

– Я должен был сразу догадаться. В этом подземелье с пространством и временем и без того творится черт знает что. И на тебе еще – пространственно-временные флуктуации. Это все равно что новая вспышка в эпицентре ядерного взрыва. И если это происходит, значит, должно быть что-то, что детонирует. Источник пространственно-временного возмущения, пусть даже очень слабого. Но в какой-то момент он резонирует с одним из пространственно-временных потоков, и в результате получается то, что мы приняли за ловушки.

– Это нас Док сбил нас с толку! – указал фонарем на Орсона Брейгель. – Он все твердил про ловушки.

– Ну, правильно, – опустил голову англичанин. – Давайте теперь во всем меня винить.

– Никто никого не собирается обвинять. Мы все оказались не готовы к тому, что случилось.

– Не нужно было вообще в этот колодец лезть, – все-таки проворчал Брейгель.

Осипов предпочел сделать вид, что не услышал его слов.

– А как же этот пакаль? – снова помахал пластинкой с изображением паука Орсон. – С ним почему не случилось этих... как ты их называешь?.. Детонаций?..

– Трудно так сразу ответить. – Осипов забрал пакаль у биолога. – Как нам известно, свойства и степень активности пакалей неравнозначны. В этом отлично разбираются «серые», а вот мы пока не очень.

– То есть вообще никак, – уточнил Брейгель.

– Однако с помощью этого пакаля и камня Ики наемникам удалось открыть вход в подземелье, – напомнил Орсон.

– При этом они еще использовали кучу перьев, ящик стеклянных шариков, несколько литров крови, тряпичные куклы, веревки с узелками и череп с пулей внутри, – добавил Брейгель.

– Собственно, не исключен и другой вариант. – Осипов положил дескан на пакаль, и тотчас весь дисплей залило равномерное, чуть красноватое свечение. – Вполне возможно, что наш пакаль тоже взаимодействовал с пространственно-временным хаосом, в котором мы оказались. Но поскольку все мы находились в зоне его действия, мы просто не замечали, как перемещались из одного измерения в другое.

– Так, значит, мы тоже сейчас можем находиться черт знает где?

Осипов извиняюще улыбнулся и пожал плечами.

– А Камохин? Где нам его искать?

– Я думаю, нужно попытаться нейтрализовать действие другого пакаля. Не уверен, но может быть, это работает.

Осипов убрал пакаль в карман, и на дисплее дескана вновь появились две красные точки. Одна возле небольшого треугольника, обозначающего местонахождение прибора, другая – чуть в стороне от первой. Осипов сориентировал прибор по второй точке и медленно двинулся вперед.

– Вик, – окликнул его Орсон. – Ты, часом, не увлекся?

– Точно, Док-Вик, что мы будем делать, если и ты исчезнешь?

– Надеюсь, что нет! – Осипов постучал пальцем по спрятанному в карман пакалю.

– Может, и камень возьмешь? – предложил Орсон.

Осипов сделал отрицательный жест рукой.

– Как знаешь, – пожал плечами англичанин.

И на всякий случай покрепче зажал черный камень в кулаке.

Осипов вовсе не был уверен в том, что пакаль защитит его от этой идиотской пространственно-временной флуктуации. Если это вообще была она, а не что-то совсем иное. Собственно, вся его гипотеза базировалась на предположениях и догадках. Чтобы сцементировать их, у него не было ни единого факта. Наука так не делается. Если бы он рискнул сделать подобный доклад на кафедре Принстонского университета, где работал до Центра Изучения Катастроф, его бы там подняли на смех. А потом, скорее всего, поперли бы с работы. И правильно – фантазерам не место в научной среде. То есть воображение – оно, конечно, требуется. Но ценятся в первую очередь факты. А какие факты имелись у него? Странные картины на стенах, жестянка из-под супа, летающая от стены к стене, и шоколадный батончик, пришипленный к стене дротиком, вылетевшим из ниоткуда. Осипов посветил фонариком туда, где к стене прилип шоколадный батончик. Он был на месте. Никуда не делся.

Ориентируясь по показаниям дескана, Осипов медленно продвигался к тому месту, где был спрятан пакаль. Так идут по болоту, прощупывая почву под ногами. Медленно, не торопясь. Чтобы не сделать неверный шаг, который может оказаться последним. Наверное, можно было и не тянуть резину. Если лежащий в кармане пакаль не способен защитить его от многомерной ловушки, то не было никакой разницы в том, с какой скоростью он достигнет точки, после которой уже нельзя будет вернуться назад. Но почему-то казалось, что двигаться медленно безопаснее.

Идея Орсона кидать что-нибудь вперед, чтобы поверить безопасность пути, оказалась не совсем верной. От дротика его летающий батончик кого-то спас. А вот на шемаг Камохина ловушка почему-то не среагировала. Почему? Пустой вопрос. Для того чтобы искать ответы, нужна информация. Хотя бы самый минимум. У них же никакой информации не было. Поэтому каждый их шаг был все равно что шаг по минному полю. Рванет – или нет? С расчетом лишь на везение и верой в удачу.

Осипов остановился. Красная точка на дисплее коснулась вершины треугольника. До стены, за которой, как они предполагали, был спрятан выпустивший дротик механизм, оставалось полшага. Осипов посветил на потолок. Ни пыли, ни паутины. Чистый, будто вчера уборку сделали. Разве что не блестит. Сплошная каменная плита, ни единой трещинки. Еще одно чудо света. Даже коли так, пакаль там спрятать негде. Если только он не внутри камня.

Квестер опустил руку с фонарем вниз. Прямо под подошвой его левой ноги проходила линия стыка двух плит. Тонкая, едва приметная щель тянулась от стены до стены. Осипов убрал ногу, присел на корточки и провел по щели кончиками пальцев.

– Нашел? – крикнул Орсон.

– Еще нет.

Осипов попытался смахнуть пыль и песок, забивавшие щель. Не получилось. Тогда он лег на грудь, поднес губы к щели, закрыл глаза и резко дунул. Взлетевшие в воздух песчинки царапнули щеки и нос. Осипов быстро провел ладонью по лицу и открыл глаза. Прижав щеку к холодному камню пола, он дунул еще раз, не так сильно, вдоль трещины. И посветил сверху фонариком. В глубине трещины что-то едва заметно блеснуло. А может быть, ему это только показалось?

– Крис, у тебя есть пинцет?

– Какой?

– Потоньше.

Орсон тут же залез в сумку и достал то, что нужно.

– Не подходи! – вскинув руку, предупредил его Осипов. – Пусти по полу.

Биолог нагнулся и пустил пинцет вскользь по каменному полу. Тихо шурша, пинцет покатился в сторону Осипова. И примерно на полпути исчез.

Осипов с досадой хлопнул ладонью по полу.

– Извини, – развел руками Орсон.

– Есть другой?

– Большой. – Орсон показал пинцет.

Даже одна его лапка не пролезла бы в щель.

– У меня есть швейцарский нож! – поднял руку с зажатым в ней красным перочинным ножом Брейгель. – С пинцетом!

– Не жалко будет, если он тоже пропадет? – спросил Осипов.

– Ну, что поделаешь, – пожал плечами Брейгель.

– Попробуй кинуть повыше.

– Понял. Лови.

Фламандец кинул нож снизу, навесом. Нож пролетел почти под самым потолком и упал точно в ладонь Осипову.

– Спасибо!

– Не за что, Док-Вик! – довольно улыбнулся стрелок.

Осипов достал из рукоятки ножа миниатюрный пинцет, сделанный из двух тонких стальных полосок. Попробовав сжать его, квестер убедился, что неказистый на вид пинцет работает отменно. Он открыл малое лезвие на ноже и положил его рядом с щелью. Снова распластавшись на полу, постарался пристроить фонарь так, чтобы он освещал щель, но при этом не слепил глаза. После этого протолкнул в щель лезвие ножа и попытался подвигать им из стороны в сторону. Кончик лезвия определенно за что-то цеплялся. Осипов снова положил нож на каменную плиту, сжал двумя пальцами пинцет и осторожно опустил его в щель. Концы пинцета цепляли застрявший в щели предмет, но никак не могли за него ухватиться – щель была слишком мала. Не вынимая пинцет из щели, Осипов переместил его чуть дальше, примерно на десять сантиметров. Углы пакалей были скошены, а значит, тоньше всей остальной пластины. Можно было попытаться за него ухватить. После нескольких попыток ему это удалось. Пинцет за что-то уцепился, и Осипов медленно, очень осторожно потянул его вверх. Но то ли предмет прочно застрял в щели, то ли действовал он слишком торопливо, только лапки пинцета соскользнули с захваченного предмета. Беззвучно выругавшись, Осипов повторил попытку. На этот раз ему показалось, что предмет пошел вверх вместе с пинцетом, но все же снова сорвался. Осипов пробовал снова и снова. И каждый раз пластинка, спрятанная в щели, оказывалась чуть ближе к верхнему краю.

Или ему это только так казалось? Потому что хотелось верить, что вся эта мышьяная возня не напрасна?

В очередной раз захватив пинцетом угол пластины, Осипов взял в другую руку нож. Потянув пластину вверх и почувствовав, что она вот-вот сорвется, квестер быстро вставил в щель лезвие ножа. Приподнятый пинцетом предмет оказался заклиненным в щели.

Осипов перевел дух и концом шемага вытер пот со лба. Странно, в подземелье вроде бы не душно и не жарко.

– Ну как? – осторожно поинтересовался Брейгель.

– Отлично, – кивнул Осипов.

И снова взялся за инструменты.

Через сорок минут кропотливого усердного труда из щели показался кончик скошенного угла. Заклинив пластину ножом, Осипов как следует ухватился за край пинцетом. Собравшись, чтобы не допустить ошибки, он выдернул нож и одновременно потянул зажатый пинцетом угол вверх. Бросив нож, быстро перехватил появившийся из щели край пластины двумя пальцами. И меньше чем через минуту пакаль необычно черного цвета лежал у него на ладони. На выпуклой стороне пластины был вырезан паук. Точно такой же паук, как и на том пакале, что лежал у квестера в кармане. Было ли это простое совпадение? Возможно. Хотя верилось в это с трудом.

Осипов перевернулся на спину и обеими руками прижал пакаль к груди.

– Есть, – произнес он едва слышно.

Глава 12

– Вик! – окликнул его Орсон. – Как ты там?

В голосе англичанина слышалась тревога. И, в общем, было из-за чего волноваться. Осипов лежал на спине, скрестив руки на груди, и не подавал видимых признаков жизни.

– В порядке, – отозвался Осипов.

Поднявшись на ноги, он собрал инструменты и пошел назад. Теперь уже спокойно и уверенно. Он знал, что с ним уже ничего не случится. Во всяком случае, не здесь и не сейчас.

Хотя был ли смысл говорить о здесь и сейчас в месте, где прошлое так же неопределенно, как будущее, вчера следует после завтра и сегодня, а «здесь» означает примерно то же самое, что «незнамо где»? Странное было место, что и говорить. Неопределенное. И тем не менее Осипов чувствовал себя уверенно. Или ему просто надоело с опаской глядеть по сторонам.

– Спасибо. – Осипов вернул Брейгелю нож. – Выручил.

– Это действительно был пакаль? – спросил Орсон, от нетерпения едва не приплясывая на месте.

Осипов протянул биологу пластинку.

Англичанин бросил быстрый взгляд на разлапистого паука.

– А где другой?

– Это и есть другой.

Орсон еще раз непонимающе посмотрел на пакаль.

Осипов усмехнулся, достал из кармана другой пакаль и показал его англичанину.

– Два паука? – удивленно вскинул брови Орсон.

– Два одинаковых пакаля? – в тон ему произнес Брейгель.

Оба при этом смотрели на Осипова так, будто ждали объяснений.

– Я тут ни при чем, – устало развел руками Осипов.

– Я думал, одинаковых пакалей не существует, – сказал Брейгель.

– Этот – черный.

Осипов поднес фонарь к новому пакалю.

– Бамалама! В самом деле черный!

– Значит, теперь путь свободен? – спросил Орсон.

«Куда?» – хотел было спросить Осипов, но благоразумно промолчал, вспомнив о том, сколько пустых споров уже возникало по поводу столь простых вопросов.

– А что с Камохиным? – спросил Брейгель.

– Попытаемся его вытащить, – ответил Осипов.

И порадовался, что никто не спросил – откуда? И главное – как?

– Мне нужен шпагат и изоленга, – сказал он так уверенно, будто точно знал, что нужно делать.

Брейгель тут же достал из сумки то, что он попросил.

Осипов забрал у Орсона пакаль и сложил две металлические пластины вместе, пауками наружу. Стянув пакали изоленгой, он закрепил на них конец шпагата. Вручив катушку со шпагатом Брейгелю, Осипов прикинул в руке вес получившегося снаряда, перехватил за угол и, размахнувшись, пустил по полу вдоль по коридору. Так ловко, как будто всю жизнь в керлинг играл.

И даже, случалось, выигрывал.

В первый десять секунд ничего не произошло.

Осипов замер в ожидании.

Прошло еще двадцать секунд.

– Сматывай шпагат, – велел он Брейгелю.

Подхватив с пола вернувшиеся пакали, он снял с них изоляцию, перевернул один из пакалей пауком внутрь и снова крепко стянул их.

– Ты, вообще-то, понимаешь, что делаешь? – тихо спросил Орсон.

– Нет, – честно признался Осипов.

И снова пустил пакали по полу. К тому месту, где исчез Камохин.

Пакали еще скользили по каменным плитам, когда сверху обрушились потоки воды. И в данной ситуации сверху вовсе не означало, что с потолка. Осипов точно отметил, что зазор между потолочными плитами и тем местом, откуда хлынул поток, составил не менее двадцати сантиметров. Вода лилась буквально из ниоткуда. Ударившись о пол, вода расплескалась по сторонам. Вспенившаяся волна едва не накрыла квестеров, которым, чтобы не промокнуть, пришлось отбежать вглубь прохода.

В центре этого бурного потока находился человек. Мокрый насквозь, с ног до головы, он вертелся на месте, отчаянно размахивая вокруг себя большим охотничьим ножом. Похоже, он не понимал, где он находится и что вокруг него происходит, но очень хотел кого-то прикончить.

Осипов быстро потянул на себя шпагат. И как только пакали оказались у него в руках, разъединил их. Поток воды, казавшийся неудержимым, мгновенно иссяк.

Как будто там, наверху, кто-то кран перекрыл.

Камохин сначала помотал мокрыми волосами. Затем сунул в ухо палец, наклонил голову и потряс ею.

– Кого ты пытался убить? – с убийственным хладнокровием осведомился Орсон.

Как истинный англичанин, он делал вид, что не видит в случившемся ничего необычного. Если сам он прежде и не был свидетелем ничего подобного, то уж непременно слышал от друзей в клубе.

– Убить пытались меня. – Камохин спрятал нож в ножны и с укоризной произнес: – А вы, однако, не торопились.

Орсон чуть приподнял левую бровь, но ничего не сказал.

Камохину хватило двух быстрых взглядов по сторонам, чтобы оценить ситуацию.

– Мы все там же?

– Некорректный вопрос, – ответил Орсон.

– Почему?

– Потому что мы и сами не знаем, где находимся. Как объяснил нам Вик, это место, где пространство и время завязываются в узлы неопределенности.

– А где был ты? – спросил Брейгель.

– В воде.

– Заметно.

Камохин бросил на пол сумку и автомат и провел ладонями по рукавам, отжимая воду из одежды. Затем убрал со лба мокрые волосы и вдруг оглушительно чихнул.

– Может быть, заварим чаю? – предложил Орсон.

– Отличная мысль, – с благодарностью кивнул Камохин. – Где я был – понятия не имею. Темнотища была такая – хоть глаза выколи... – Зачем? – спросил Орсон.

– Что – зачем? – не понял Камохин.

– Зачем и кому нужно было выкалывать глаза?

– Док, это идиома, означающая, что вокруг настолько темно, что ты будто ослеп.

– Да? – Орсон наклонил голову и задумчиво почесал шею. – А почему тогда не сказать просто: я как будто ослеп?

– Потому что так не принято.

– Выколоть глаза – по-моему, это очень жестоко.

– Это образное выражение, Док. На самом деле никто никому не собирался выкалывать глаза. Я уж точно.

– Я понимаю, – кивнул Орсон. – И все равно...

Он умолк, не закончив фразу, и занялся чаем. Ясно было, что использованная Камохиным идиома ему не понравилась. У англичанина вообще было очень своеобразное отношение с русским языком. Некоторые выражения он понимал слишком буквально. В других пытался отыскать смысл, которого там и в помине не было.

– В общем, было очень темно, – заново начал свой рассказ Камохин. – Я сразу с головой ушел под воду. Было непонятно, где верх, а где низ. Я малость запаниковал, испугавшись, что если не смогу правильно сориентироваться и поплыву не в ту сторону, то буду только глубже уходить ко дну. К тому же что это за водоем? Сначала я подумал, что это бассейн или какое-то другое искусственное сооружение. Но у воды был естественный вкус с легким травяным привкусом. То есть это была река или большое озеро. Потом кто-то схватил меня за руки и потащил. Я вынырнул на поверхность, глотнул воздуха и взмахнул руками. Вокруг все равно было темно. Темно так, как не бывает даже ночью. Я посмотрел вверх и не увидел ни звезд, ни луны. При этом лицо мне обдувал легкий ветерок, а значит, водоем, в котором я плавал, находился под открытым небом. Автомат и сумка оставались при мне, фонарь тоже висел на затянутой на запястье петле, но почему-то не горел.

Темно было так, что вообще ничего не видно. Ни неба над головой, ни воды, в которой я плавал. Ни говоря уж о том, что находилось вокруг. Меня кто-то выдернул на поверхность, но я снова оказался в затруднительной ситуации, не зная, в какую сторону плыть. Вода была пресная, значит, это было не море. Но озера ведь тоже бывают очень большие. В какую сторону плыть, чтобы выбраться на берег? К тому же я был уверен, что рано или поздно вы найдете способ вытащить меня назад. А для того, чтобы в нужный момент оказаться в нужном месте, я не должен был никуда плыть... Вода была теплая, но сколько можно было в ней просидеть? Это же не ванна, в конце-то концов! В общем, разные мысли лезли в тот момент мне в голову. Но ни одну из них дельной я назвать не могу. Была даже мысль о том, а не водятся ли в этом водоеме ядовитые змеи, крокодилы или пираньи? Но мне удалось быстро от нее отделаться. В Центре я ходил на курсы позитивного мышления, и, наверное, это возымело свои результаты.

– Если бы ты не умел плавать, то никакое позитивное мышление не помогло бы, – заметил как бы между прочим Орсон.

– Тебе не нравится принцип позитивного мышления? – удивленно посмотрел на англичанина Осипов.

– Мне не нравится человек, ведущий эти курсы. Я давно его знаю и... Впрочем, это касается только нас двоих... Извини, что перебил, Игорь. Что было дальше? Ты, надеюсь, не плавал целый час на одном месте?

– Я проплавал минут пять, не больше. Вернее, я даже не плыл, а старался держаться на одном месте. Хотя, с учетом полной темноты, сделать это было не просто. Даже если вода была стоячая. А если бы я оказался в реке, меня бы снесло течением... В общем, дурацкая ситуация. Сидишь по горло в воде непонятно где и понятия не имеешь, что делать. Но тут я вспомнил про фонарь и решил попытаться им воспользоваться. Фонари у нас водонепроницаемые, так что, скорее всего, отключился он из-за того, что в момент, когда меня выдернуло из туннеля, обо что-то ударился. Поскольку разбирать фонарь в воде было глупо, я начал постукивать им о ладонь, надеясь, что отошедший контакт встанет на место и я наконец-то смогу увидеть воочию, где же нахожусь. Но не успел я и четырех раз стукнуть фонарем о ладонь, как кто-то, невидимый в темноте, схватил меня одной рукой за запястье, а другой плотно зажал рот. Собственно, я мог бы легко избавиться от такого захвата, даже в воде. Да и нож был под рукой. Но тот, кто держал меня, не пытался использовать силу. Он лишь старался дать понять, что шуметь не стоит. И я не стал сопротивляться, чтобы было ясно, что я все понял. Через некоторое время рука, зажимавшая мне рот, исчезла. А та, что держала запястье, потянула меня за собой. Опять же, не требовательно, а почти что мягко, приглашающе. За плеском воды

я слышал негромкое ровное дыхание. И я поплыл за ним, за этим неизвестным мне существом, в котором я лишь угадывал человека.

Мы плыли недолго. Тот, кто вел меня за собой, остановился и снова потянул меня за руку. Моя ладонь коснулась морщинистой коры дерева, которое росло прямо из воды. Наверное, кора была влажной, но поскольку рука у меня была мокрая, я этого не почувствовал. Незнакомец попытался посадить меня наверх. Нащупав толстый сук, я ухватился за него, подтянулся и уперся ногами в ствол. Оказавшись на ветке, я потянулся выше. Веток было много, так что лезть вверх было не трудно. И я лез до тех пор, пока мой провожатый, карабкавшийся на дерево следом за мной, не схватил меня за щиколотку, давая понять, что пора остановиться. Я поудобнее устроился на ветке, прижавшись спиной к стволу. Слышно было, как мой невидимый спутник устраивается на соседнем суку.

– Спасибо, – произнес я шепотом.

Он тут же стукнул меня ладонью по плечу. Видно, нам все еще следовало соблюдать тишину.

Я откинул голову назад, прижался затылком к стволу дерева и, поскольку всматриваться в темноту было бесполезно, стал вслушиваться в ночные звуки. Почему-то я сразу решил, что это ночь. Хотя, может быть, в этом странном месте всегда темно?

– Это невозможно, – уверенно заявил Орсон. – Если есть жизнь, значит, должен быть и свет. Для растений свет – источник энергии.

– Док, я не делаю выводов. Я лишь рассказываю о своих впечатлениях. Тогда я готов был поверить, что в мире, где я оказался, царит вечный мрак. Из темноты доносился тихий плеск воды о ствол дерева, негромкий шелест вверху, как будто ветер перебирал листву или кто-то очень осторожно раздвигал ветви, издаликами временами доносилось приглушенное чавканье. Запахи были тоже самые обычные для водоема. Так пахнут сырая кора, прелая трава, рыба чешуя... И была еще какая-то странная, тонкая, едва различимая примесь, не то медовая, не то хвойная.

Мой невидимый спутник не издавал ни звука. Я даже его дыхания не мог услышать, как ни вслушивался. Но каким-то образом я чувствовал, что он здесь, рядом. Я протянул руку в его сторону и коснулся ладонью, кажется, предплечья. Кожа у него была очень гладкая, упругая и, может быть, мне только так показалось, прохладная. Незнакомец тут же отдернул руку.

Поскольку заняться было нечем, я принялся крутить фонарь. Просто так, наудачу, сворачивал и снова наворачивал детали с резьбой, рассчитывая, что фонарь вдруг сам собой загорится. Так оно и случилось. Я пару раз повернул переднюю прозрачную крышку с встроенной в нее лампочкой, и та внезапно вспыхнула. Мои глаза уже настолько привыкли к темноте, что свет фонаря ослепил меня. Потребовалось какое-то время для того, чтобы я вновь обрел способность видеть при свете. И первым делом я, естественно, посмотрел на того, кто сидел на дереве рядом со мной.

Ну, знаете, я долго этого не забуду!

На расстоянии вытянутой руки от меня на толстом суку сидело существо, которое ну никак нельзя было назвать человеком! Хотя у него так же, как и у нас, были две руки, две ноги и одна голова. Но кожа у него была очень темная. При свете фонаря я не смог точно распознать ее цвет – шоколадный, а может быть, темно-болотный. И была она очень гладкая, будто синтетическая. Или смазанная тонким, почти незаметным слоем жира. Оно сидело на суку, не свесив ноги вниз, а поптичь поджав их под себя, опираясь о ветку широкими разлапистыми ступнями. Руки у него были очень тонкие, с выступающими локтевыми суставами и большими кистями. Голова – большая, круглая, без волос. Ушей почти не было видно – они словно приросли к черепу. Нос расплющенный, с вывернутыми наверх ноздрями, прикрытыми кожистыми перепонками. Рот большой, тонкогубый. И такие же большие, круглые, навывкате глаза. Из одежды на нем был только широкий пояс с набедренной повязкой. На поясе висел

кожаный чехол. А в левой руке оно держало тонкую, черную, абсолютно прямую палку, с метр длиной.

Существо сидело неподвижно и испуганно таращило на меня своими огромными глазами. Оно было как будто загипнотизировано светом фонаря. Я сделал ему жест, что не нужно, мол, бояться. Но оно никак не отреагировало. Тогда я стянул с шеи шемаг и накинул его на фонарь. Свет стал приглушенный, рассеянный. Но его было достаточно, чтобы рассмотреть, что происходит вокруг. А мой сосед по дереву, вытащивший меня из воды, сразу оживился, заворчался и недовольно засопел. Он даже пару раз ткнул тонким пальцем в фонарь, который я держал в руке. Похоже было, что свет не особенно ему нравится. Но при этом он не издал ни звука.

Поскольку, несмотря на явное недовольство, мой приятель не проявлял никаких признаков агрессивности, я решил осмотреться. Мы сидели на дереве с толстым кривым стволом, будто скрученным какой-то жуткой древесной болезнью. Как я и предполагал, дерево росло прямо из воды, до которой оказалось около трех метров. Вода, судя, по всему, была стоячая. Я посветил фонарем по сторонам, но не увидел ничего, кроме четырех или пяти таких же деревьев, невысоких, с редкими листьями, вытянутыми, как у ивы. Мне показалось, что на одном из деревьев я увидел еще одно такое же существо, как и то, что находилось рядом со мной. Хотя в полумраке я мог принять за него нарост на стволе дерева.

Что совсем меня не обрадовало, так это то, что берега видно не было. С другой стороны, мой сосед, сидевший на соседнем суку, вовсе не был похож на древесного жителя. Да и на водоплавающего – тоже. Хотя, при его типе сложения, плавать он должен был неплохо, но большую часть времени, надо полагать, все же проводил на суше. Как он оказался ночью посреди озера – теперь, когда у меня в руке горел фонарь, я не сомневался, что нас окружает не всепоглощающий вселенский мрак, а всего лишь ночная тьма, которая рассеется с приходом утра, – о том мне было неизвестно. Но не по воде же он сюда пришел? Значит, если потребуется, то, следуя за ним, я тоже смогу добраться до берега. А чего он ждет? Должно быть, когда солнце взойдет.

Все вроде бы складывалось неплохо. Но только поначалу.

Дальше начались проблемы.

Приятель мой все как-то недовольно ворочался, временами что-то бормотал себе под нос и все время на меня поглядывал. Я понимал, что ему не нравится свет моего фонаря. Но если он, как я подозревал, обладал способностью видеть в темноте, то я без света чувствовал себя, прямо скажем, некомфортно. Нет, я не боюсь темноты, но тем не менее незнакомое место, напряженная обстановка – все это не способствовало тому, чтобы расслабиться, а может быть, и подремать до рассвета. Тем не менее я в несколько слоев намотал на фонарь шемаг, так, что свет был еле виден. Мой приятель, сидевший на соседней ветке, так и вовсе сливался с темнотой. Я мог определить его местоположение только когда он шевелился. А делал он это крайне редко. Это мне приходилось то и дело менять положение тела и растирать затекшие конечности, а для него многочасовое неподвижное сидение на ветке, похоже, был занятием привычным.

Все было настолько спокойно, что я не ожидал никакого подвоха. И вдруг прямо подо мной вода будто взметнулась вверх. Направив фонарь вниз, я увидел только разинутую пасть, огромную и зубастую, как у крокодила. Ухватившись свободной рукой за ветку над головой, я подтянул ноги. И очень вовремя. Чудовищные челюсти щелкнули точно под веткой, на которой я сидел. Болтайся мои ноги внизу, и я стал бы калеккой. Знаете, в этот момент я оценил предусмотрительность своего неразговорчивого приятеля, который не болтал ногами, а поджимал их под себя. Видимо, он-то знал, что за твари водятся в этом озере. И еще я проникся к нему глубоким уважением. Ведь, даже зная об опасности, он прыгнул в воду, чтобы помочь мне выбраться. Выходит, несмотря на странноватый вид, он все же был настоящим человеком.

Впустую щелкнув челюстями, зверюга упала в воду, взметнув потоки брызг. Она на самом деле была огромной. Метров семь длиной, с сильным хвостом, мощными вытянутыми челюстями и тремя гребнями, тянущимися вдоль спины – одним большим и двумя поменьше. Больше всего зверь напоминал крокодила, но все же это было что-то другое.

Мой приятель что-то залопотал на своем языке. Говорил он очень странно, как будто рот у него был забит большим комком жвачки, из которой он периодически надувал сочно лопающиеся пузыри. Он уже не сидел, а стоял на суку, обхватив одной рукой ствол дерева. И, судя по всему, хотел, чтобы я сделал то же самое.

Не успел я встать на сук, как из воды выпрыгнул еще один псевдокрокодил с широко разинутой пастью. Хотя, конечно, это мог быть и тот же самый, что совершил первую попытку. Однако внизу, в воде, плескались, перекатываясь со спины на брюхо, еще трое или четверо. Хорошая такая компашка. Хотя, конечно, это могло оказаться и семейство – мама, папа и детки.

На этот раз я был готов отразить нападение. И, выхватив из кобуры пистолет, выпустил ровно половину магазина – шесть патронов – в разинутую кровожадную пасть.

И что бы вы думали?

Ничего не произошло!

Ровным счетом ничего!

Мерзкая тварь проглотила мои пули, будто это были витамины!

Но – дальше!

Дальше началось самое забавное!

Как и в первый раз, псевдокрокодил, щелкнув челюстями, не достал ветку, на которой я теперь стоял. Однако вместо того, чтобы шлепнуться в воду, он как-то хитро извернулся в полете и прилип к стволу дерева, обхватив его лапами! А затем начал ловко карабкаться вверх!

Целясь ему между глаз, я расстрелял все патроны, что оставались в магазине. И, будьте уж уверены, ни одна не прошла мимо цели! Трудно промахнуться с расстояния полутора метров! Но тварь как будто ничего даже не почувствовала! Ее голова и вытянутые челюсти, так же как и все остальное тело, были покрыты неровными выступающими наростами, видимо, ороговевшей кожи. И пули отлетали от них, как будто это были элементы динамической защиты. Натурально, это была живая бронемашина, которую ничто не могло остановить! У меня оставались еще два полных магазина к пистолету и за спиной висел автомат, но карабкающуюся по стволу дерева махину это, скорее всего, не остановило бы. Использовать же взрывчатку на таком близком расстоянии было совсем небезопасно. Я не то чтобы почувствовал себя уже пережеванным и проглоченным, но некий дискомфорт при виде торчащих из пасти хищных клыков, признаюсь, испытал. Да что уж тут скрывать, положение здорово походило на безвыходное. Темнота вокруг, повсюду вода, а в воде – хищные твари, которых пули не берут.

И вот тут-то снова проявил себя мой приятель!

Он что-то заверещал довольно-таки громко, перепрыгнул на ветку, на которой стоял я, и оттолкнул меня в сторону. Чтобы не упасть в воду, мне пришлось обеими руками зацепиться за сук над головой. Что, надо сказать, было не очень-то удобно, поскольку в одной руке у меня был фонарь, а в другой – пистолет. Приглушенный луч света при этом метнулся из стороны в сторону. Однако я сумел увидеть, как абориген присел на корточки и, как только морда зубастого чудовища оказалась в метре от него, коротко, почти без размаха ткнул в нее палкой, что держал в руке. Затем он наклонился, зажал другой конец палки губами и резко дунул в нее.

Камохин подошел к стене и выдернул из нее короткий дротик вместе с насаженным на него шоколадным батончиком.

– Вот откуда этот дротик, господа! – провозгласил он, помахивая батончиком. – Палка, которую держал мой приятель, оказалась на самом деле трубкой, с помощью которой он и метал эти дротики. Он воткнул ее конец в ноздрю псевдокрокодила или в какое-то иное естественное

отверстие на его морде. Может быть, в щель между костяными наростами. И сразу же сильно дунул. Этот батончик, – Камохин вновь продемонстрировал квестерам насаженную на дротик шоколадку, – действительно спас кому-то жизнь. Потому что дротик, скорее всего, отравлен. Зубастик еще только раз шелкнул своими страшными челюстями после того, как мой приятель всадил в него свой дротик. Затем он сорвался с дерева, упал в воду и забился в судорогах. Его приятели, недолго думая, решили им же и закусить. Внизу началась кровавая трапеза. А я стоял, держась руками за сук, и смотрел на маленького темнокожего аборигена, который только что спас мне жизнь. Во второй раз. Конечно, псевдокрокодил мог и его запросто сожрать. Но все же в первую очередь опасность угрожала мне. А кем я был для него? Чужаком, который, с его точки зрения, и выглядит, наверное, как полный урод! – Камохин наклонил голову. – Вы знаете, чем больше я думаю об этом удивительном человеке, тем больше удивляюсь. Он вел себя с поразительным достоинством и отвагой. После того как хищная тварь свалилась в воду и сородичи принялись ее пожирать, мой сосед выпрямился во весь рост и первым делом перезарядил свое оружие. Достал из кожаного чехла на поясе дротик, проткнул им небольшой шарик, служащий, по всей видимости, для уплотнения и чтобы дротик сам собой не вываливался из трубки, и вставил этот заряд с той стороны, в которую дул. После этого он посмотрел на меня, что-то произнес и показал пальцем на мои руки. Я сначала подумал, что его интересует фонарь, и решил подарить его новому знакомому. Но тот сделал отрицательный жест рукой. Тогда я протянул ему пистолет. В котором не осталось патронов. Абориген взял пистолет в руки и с интересом принялся его рассматривать. Видимо, ему впервые доводилось держать в руках огнестрельное оружие и он принял его за пневматическое – перевернул и начал старательно дуть в ствол. Я помахал рукой, забрал у него пистолет и вставил в него новый магазин. Перевернув затвор, я направил ствол в сторону кишаших внизу хищников и нажал на спусковой крючок. Громыкнул выстрел. Звери на него никак не отреагировали. А абориген непонимающе посмотрел на меня и пожал плечами. Должно быть, он решил, что пистолет – это просто пугач, издающий громкие звуки. Более он интереса к нему не проявлял. Тогда я убрал пистолет в кобуру и достал нож. Когда я протянул нож аборигену, тот осторожно взял его в руки, потрогал пальцем острие, одобрительно кивнул и что-то сказал. Затем поковырял лезвием ветку и снова одобрительно гукнул. По всему было видно, что нож произвел на него впечатление. Однако от предложения оставить нож себе он решительно отказался. Указав ножом на чудовищ внизу, он несколько раз резко взмахнул рукой, изображая колющие удары. Затем запрокинул голову и провел лезвием возле горла.

Снова указал на псевдокрокодилов, потряс своей духовой трубкой и вернул мне нож. Я так понял, он хотел сказать, что у него и без того есть хорошее оружие, а вот у меня, кроме ножа, больше ничего. Нож же, если грамотно его использовать, может оказаться вполне эффективным против тварей, которые, возможно, еще не оставили надежду закусить нами.

Однако, сожрав своего приятеля, зубастые твари, видимо, насытились и на какое-то время затихли. Ушли под воду. Но далеко не уплыли. Когда я светил фонарем вниз, то видел гребень на спине псевдокрокодила, описывающего круг у ствола дерева. И, честно говоря, мне это совсем не нравилось. Когда я попал в этот странный мир, то оказался с головой в воде. Значит, когда вы откроете портал, мне, чтобы воспользоваться им, придется снова прыгнуть в воду. К крокодилам, черт возьми.

Признаюсь, это были неприятные мысли. Крайне неприятные. Но я полагал, что мне следует с ними свыкнуться. Чтобы, когда наступит момент, действовать не раздумывая.

Орсон, не терявший времени даром, пока Камохин рассказывал свою историю, успел вскипятить воду и заварить чай. Первая кружка досталась, естественно, герою дня. Камохин с благодарностью принял горячую кружку, сделал глоток и с удовольствием причмокнул губами. Чай Орсон заваривал изумительный в любых условиях. Единственным его недостатком было постоянное стремление всыпать в чашку чая сахар или кинуть дольку лимона. Но на этот раз он

не успел это сделать. А когда попытался исправить ошибку, Камохин не позволил ему. Стрелок предпочитал чай таким, какой он есть, без каких-либо добавок. Так же, кстати, как и Брейгель. Который, вообще-то, был не большим ценителем чая и при наличии выбора взял бы чашку кофе, пусть даже растворимого. Зато вкус Осипова был истинной отрадой для англичанина – математик любил чай сладкий и с молоком. В квесте за неимением молочника приходилось использовать сливки в порционных пакетиках.

– Так чем же все это закончилось? – спросил Осипов.

– Тем, что наконец открылся портал. – Камохину, видимо, надоело держать в руке дротик с насаженным на него шоколадным батончиком, и он снова воткнул его в стену. – Первым его заметил мой глазастый приятель. Он схватил меня за руку и, странно гукая, стал тыкать палкой куда-то в темноту, в сторону от дерева и резвящихся под ним псевдокрокодилов. Мне пришлось снять с фонаря пару слоев шемага, чтобы увидеть, что там происходит. Примерно в двадцати метрах от дерева вода бурлила, как в котле. Затем она начала быстро проваливаться куда-то вниз, так, что на поверхности образовалась воронка. Я решил, что это и есть портал. То, что мой приятель тоже обратил внимание на это явление, также свидетельствовало о том, что я не ошибся. Он-то видел, каким образом я здесь появился.

Тянуть было нельзя, поскольку я не знал, как долго вы сможете держать портал открытым. Чтобы как-то выразить свою благодарность аборигену, я взял его за руку и несколько раз встряхнул ее. Он, кажется, понял, что я хотел этим сказать, потому что коснулся указательным пальцем другой руки моего лба, потом носа, а потом груди. Видимо, это был жест прощания, принятый среди его соплеменников. Мне хотелось непременно оставить что-нибудь ему на память. Но взять нож, который казался мне самым подходящим подарком, он вновь категорически отказался. И, в общем, он был прав – мне предстояло добраться до портала, плывя в воде, кишасей злобными зубастыми тварями. И тогда меня озарила идея. Я снял цепочку со своим служебным жетоном и надел ее на шею моему немного странному другу. Он взял жетон в руку, внимательно посмотрел на него и одобрительно кивнул – жетон ему понравился. После этого он снова указал свободной рукой на водоворот, а трубкой – на псевдокрокодилов. Видимо, давал мне понять, что попытается отвлечь зверей.

Сейчас мне кажется удивительным то, что мы провели вместе совсем немного времени, а научились отлично понимать друг друга без слов. А тогда... Тогда я только улыбнулся и хлопнул моего друга по плечу. Он тут же присел на корточки, наклонился, опершись рукой о ствол дерева, и принялся громко кричать, временами издавая гортанный клекот. Наверное, это были звуки, привлекающие псевдокрокодилов, потому что они тут же выставили из воды свои острые морды. Я снял с фонаря шемаг, намотал его на шею, фонарь сунул за пояс, взял в руку нож и нырнул в воду. Вынырнув, я, не оборачиваясь, быстро поплыл в сторону портала. Скорость была моим единственным шансом на спасение.

Я был уже в паре метров от водоворотов, когда снизу вдруг что-то ткнуло меня в живот, довольно сильно. Не знаю, что это было. Может быть, просто сук утонувшей коряги. Или какая-то большая рыбина. Но мне, естественно, почудилось, что это одна из тех тварей, что пытались достать нас на дереве. Я тут же нырнул как можно глубже, сделал в воде колесо и нанес удар ножом в то место, где по моим расчетам должен был находиться зверь. Нож угодил во что-то твердое, чуть соскользнул в сторону и вдруг провалился по самую рукоятку. Ощущение было таким, как если с размаха проткнуть ножом крышку консервной банки. Фонарь у меня за поясом исправно горел, но вода была настолько мутная и темная, что я все равно ничего не видел. Я выдернул нож и нанес еще один удар в том же направлении. На этот раз получилось не столь удачно – нож скользнул, будто по мшистому камню, и я его едва не выронил. Чувствуя, что воздух в легких заканчивается, я снова изогнулся, ударил ногами по воде и всем телом дернулся в направлении водоворота.

И вот тут-то произошло самое ужасное.

Меня кто-то схватил за ногу!

Это были не зубы, потому что боли я не почувствовал. Что-то плотно обвилось вокруг моей левой щиколотки и дернуло так сильно, что я едва без ноги не остался.

Тут у меня в голове все смешалось. Хищные твари, разевающие свои зубастые пасти, портал, который мог в любую секунду закрыться, какая-то зараза, что держала меня за ногу и, наконец, самое главное – острая потребность немедленно сделать глоток воздуха! Я рванулся изо всех сил. И петля, опутавшая мою ногу, соскользнула. Я дернулся было вверх, чтобы сделать вдох, но в это миг прямо передо мной возникла какая-то тень. Понятия не имею, что это было, но точно не обман зрения. Это было что-то абсолютно реальное, объемное и очень большое. Собственно, выбора у меня уже не оставалось. Позади – псевдокрокодилы и еще непонятно кто, а впереди... Черт его знает, что там было впереди. Но я поплыл вперед, размахивая ножом и выплевывая остатки воздуха.

Если вы думаете, что в этот миг я начал терять сознание, то ошибаетесь. Я отчетливо понимал, что происходит. Хотя объяснить, что именно это было, не могу. Меня вдруг будто упругой волной понесло вверх. Я не успел опомниться, как выскочил из воды и взлетел в воздух. Вода подо мной была похожа на желе, разваливающееся на куски. И из центра этого разлома вверх поднималось нечто, чему я просто не могу подобрать название. Я даже не знаю, было ли это живое существо или какой-то чудовищный механизм. Больше всего это было похоже на то, что мы видели на первом многомерном рисунке, который показал нам Док-Вик – бесформенный комок живой плоти, пронзенный каким-то трубками, кабелями и шнурами, истыканный арматурой, стянутый колючей проволокой и... Не знаю, может быть, это мне действительно только почудилось, но в нескольких местах из этого жуткого образования вырывались пучки света...

А потом я полетел вниз. Я падал точно в центр воронки, которая, как я надеялся, была порталом, через который я мог вернуться назад, в это самое подземелье. И, должен вам сказать, здесь я чувствую себя в большей безопасности, чем там, – Камохин указал вверх.

– Да уж, – напряженно вздохнул Брейгель и сделал глоток чая из кружки, которую держал в руке. – Вот это история!

Глава 13

Орсон выдернул из стены дротик, осторожно снял с него шоколадный батончик и спрятал в карман. А дротик аккуратно убрал в алюминиевую тубу для образцов с закручивающейся крышкой.

– Только не ешь эту шоколадку, Док! – предупредил Брейгель.

– Не касайся меня как идиота, – насмешливо посмотрел на фламандца биолог.

– Что? – непонимающе сдвинул брови тот.

– Я имел в виду... – Орсон устремил задумчивый взгляд на потолок. – Наверное, я хотел сказать что-то другое?

– Так как вам удалось меня вытащить? – спросил Камохин.

Осипов улыбнулся и показал два пакаля с пауками.

– Опа! – изумленно вскинул брови Камохин. – Это как же?

– Нашли здесь, между плит.

– Зачем тебе отравленный батончик, Док? – снова принялся приставать к Орсону Брейгель.

– А как ты собираешься искать ловушки? На ощупь?

– Док, мы живем в двадцать первом веке, – фламандец улыбнулся и показал биологу дескан. – Если ловушка – это еще один спрятанный пакаль, то прибор запищит, как только мы подойдем к ней.

– А если нет?

Брейгель озадаченно прикусил губу.

– Вот именно, – улыбнулся Орсон с высочайшим чувством собственного достоинства.

И, размахнувшись, зашвырнул уже изрядно помятый шоколадный батончик подальше в темноту.

– Не компостируй меня, Ян. – Биолог поправил сумку на плече и, подсвечивая фонариком, уверенно зашагал вперед.

– Может быть, ты хотел сказать «не прессуй»? – спросил, догнав его, Брейгель. – А, Док?

– Может быть, – не стал спорить англичанин. – Я знаю русский не так хорошо, как ты.

Но тем не менее ты же меня понял?

– А как насчет касаний?

– Каких еще касаний?

– Ну, ты сказал: «Не касайся меня, как идиота». Или что-то вроде того.

– Я хотел сказать – не трогай меня, как идиота! Вот!

– Все равно непонятно.

– Может быть, «не держи меня за идиота», Док? – предположил Камохин.

– Может, и так, – снова согласился Орсон. – А что, русские так говорят?

– Говорят, – подтвердил Камохин.

– Странно, – пожал плечами Орсон.

– Что именно?

– Да у вас все странно. – Англичанин подобрал с пола шоколадку и снова кинул ее. – Вот ты, например, побывал не на той Земле.

– Что значит не на той?

– Существо, с которым ты сидел на дереве, было похоже на человека?

– Это и был человек! Не такой, как мы, но все равно человек!

– Отлично, – кивнул биолог. – А существа, напавшие на вас, были похожи на крокодилов?

– Да, но они умели лазить по деревьям!

– Между прочим, эволюцию на Земле никто не отменял. И живые существа продолжают изменяться, приспосабливаясь к меняющимся условиям окружающей среды.

– И человек тоже? – спросил Брейгель.

– А чем мы хуже других? – усмехнулся Орсон.

– Я думал, мы лучше, – сказал фламандец.

– Ошибаешься, – заверил его ученый. – Мы изменяемся так же, как ежи, ехидны и крокодилы. А может быть, даже быстрее их. Потому что живем в отравленных городах и едим черт знает что. Например, гамбургеры, чипсы и хот-доги, запивая их колой и кофе.

– Чем плох кофе? – удивился Брейгель.

– Существует только два здоровых и полезных напитка. – Англичанин, как Черчилль, выставил два пальца. – Чай и пиво!

– А как же молоко? – спросил Осипов.

– Я имел в виду напитки, придуманные человеком.

Орсон поднял шоколадный батончик, осветил на него фонарем, как будто хотел убедиться, что с ним все в порядке, и снова запустил его вперед.

– Так вот, возвращаясь к эволюции. Место, где побывал Игорь, могло быть нашим будущим.

– Шутишь? – недоверчиво покосился на биолога Камохин.

– Нет, – невозмутимо спокойно ответил тот.

– Какое-то странное это будущее, – помахал рукой Камохин. – Не такое, каким я его представлял.

– А что ты представлял? Летающие города? Робота на кухне? Отпуск на Луне?

– Ну, что-то вроде того, – немного смущенно признался стрелок.

– Забудь, – едва заметно усмехнулся Орсон. – Ничего этого не будет.

– Почему?

– Глобальное потепление приведет к глобальной экологической катастрофе. Большая часть суши окажется затопленной. Соответственно, толчок к дальнейшему развитию получат водоплавающие виды животных. Доминировать среди них будут, естественно, хищники. Людям же придется приспосабливаться жить на небольших оставшихся участках суши и, возможно, на деревьях. Естественно, ни о каком промышленном развитии в таких условиях говорить не приходится.

– Но я не видел никаких следов того, что было прежде.

– А что именно ты бы хотел увидеть?

– Дома... Какие-то другие искусственные постройки... Ведь если деревья росли из воды, значит, глубина там небольшая.

– Ну, во-первых, ты видел лишь незначительный участок территории мира будущего. А во-вторых... Знаешь, сколько времени потребуется для того, чтобы современные города полностью исчезли с лица земли? При условии, что людей не станет и некому будет заниматься реконструкцией и восстановлением ветшающих зданий?

– Сколько?

– Сто лет.

– Не может быть!

– Всею виной бетон, друг мой. Он выкрашивается и трескается куда быстрее дерева или кирпича. В трещины попадает вода, которая, замерзая, разрывает бетонные плиты и балки изнутри. В странах с жарким климатом есть другие факторы, делающие современные постройки крайне недолговечными. Так, например, высокая влажность и температура губительны для металлических несущих конструкций. Одним словом, если через сто лет после того, как люди покинут города, мы окажемся на территории одного из нынешних мегаполисов, мы

не увидим ничего, что указывало бы на присутствие здесь когда-то человека. Если, конечно, мы не станем производить археологические раскопки.

Шоколадный батончик вновь полетел вперед, подтверждая тем самым, что путь безопасен.

– А почему вокруг было темно? – спросил Камохин.

– Ты же сам сказал – ночь.

– Это я так подумал.

– Полагаю, твоя догадка близка к истине.

– Но на небе не было звезд.

– Значит, было облачно.

– А то, что человек, сидевший на дереве, не любил свет и мог видеть в темноте?

– Слушай, откуда я знаю? – поморщился Орсон. – Я не защищаю диссертацию, а просто так... Рассуждаю вслух. Я не готовился специально к этому выступлению.

– То есть нас ждет будущее на деревьях в окружении злобных крокодилов? – спросил Брейгель.

– Ну, насчет нас я сильно сомневаюсь, – усмехнулся Орсон. – Это только в кино мутация происходит за несколько минут. Но если говорить о наших далеких потомках, то я бы сказал, что подобное очень даже может быть. И, на мой взгляд, это не худшая судьба, что может ждать человечество.

– Но это значит, что Сезон Катастроф закончится?

– Об этом лучше спроси у Вика, – ловко отпасовал вопрос Орсон.

– Док-Вик, что скажешь?

– В той реальности, где побывал Игорь, Сезона Катастроф могло и вовсе не быть, – ответил Осипов. – С другой стороны, темнота и странные существа, как на дереве, так и в воде – все это может быть следствием очередного разлома... Вообще, мне не хочется заниматься пустыми спекуляциями на эту тему. Игорь мог побывать где угодно – в прошлом, в будущем, в ином измерении, на другой планете...

– А как тебе показалось? – спросил Брейгель у Камохина.

– Что именно? – не понял тот.

– Где ты побывал?

– Не знаю.

– Ну, чисто по ощущениям? Должен же ты был что-то почувствовать?

– Я чувствовал только то, что я мокрый... И запах какой-то странный... Сернистый.

– Сернистый? Это как?

– Не знаю – мне так показалось.

Орсон поднял шоколадку и уже ставшим привычным движением руки, будто играючи, кинул ее вперед.

Батончик исчез в темноте.

Секунду спустя коридор озарился пламенем.

Огненный шар вспыхнул в центре прохода, со зловещим скворчанием быстро разросся, заполнив собой весь периметр, затем снова сжался до размеров футбольного мяча. И – исчез. Как будто ничего и не было.

– Мы остались без шоколада, – сказал Брейгель.

Глава 14

– У тебя была отвертка. – Не глядя на фламандца, Орсон протянул руку.

Не сообразив, зачем биологу отвертка, Брейгель достал из сумки инструмент и вложил его рукоятку в протянутую ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.